

АЛЕКСАНДРА
ЮНИС

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В ПРОШЛОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
"ТЕБЕ МЕНЯ НЕ СЛОМИТЬ"

18+

Александра Ронис

Добро пожаловать в прошлое!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ронис А.

Добро пожаловать в прошлое! / А. Ронис — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-532-04549-1

Продолжение «Тебе меня не сломить». История Влада... Существуют границы, переступив через которые, человек уже никогда не будет прежним. Свои границы он переходил медленно, шаг за шагом, неизбежно приближаясь к той самой последней черте и до конца не зная, какой она будет в итоге. Все осуждали его за эту любовь. Он сам судил себя за это. Любовь вопреки здравому смыслу. Любовь, несмотря на разницу в возрасте. Любовь, возникшая из ненависти, порожденной прошлым. Любовь, непохожая на любовь... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04549-1

© Ронис А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пролог

Говорят, выход есть всегда. Не бывает безвыходных ситуаций, просто есть границы, переступив через которые человек уже никогда не будет прежним.

Свои границы он пересекал медленно, шаг за шагом, неизбежно приближаясь к той самой последней черте и до конца не зная, какой она будет в итоге. Путь оказался долгим и болезненным, со множеством ошибок, мучительными переменами, муками совести, и начался он давно. С той самой первой встречи с ней, когда приехал в Управление за чертовым авансом. Позже, когда она молча садилась в его машину, а ему лишь оставалось украдкой бросать взгляды в зеркало заднего вида, и, наконец, там, на даче, когда он окончательно потерял рассудок, позволил себе поддаться безотчетному желанию и поцеловал ее. Еще одна граница была пройдена в тот момент, когда он держал на прицеле больного ублюдка, заносящего нож в спину Воронову. Все решил бы один выстрел – он мог перевести прицел на несколько сантиметров правее и нажать на курок. Возможно, после смерти Саши у него появился бы шанс быть рядом с ней, только вот смог бы он после этого уважать себя?

Юля была счастлива. Он видел это по ее горящим глазам, какими она смотрела на Воронова, по руке с кольцом на безымянном пальце, нежно поглаживающей вновь округлившийся живот, и этого было достаточно. Достаточно для того, чтобы знать: все было не зря.

Работа отнимала практически все время, и он был этому даже рад. Так, в постоянных заботах и беготне было совершенно некогда предаваться воспоминаниям и размышлениям о том, что уже никогда не произойдет. Он и сам не понял, в какой момент у них все закрутилось с Леной. В ту ночь, когда они вернулись из больницы, и Юля ушла в комнату к Дане, они еще какое-то время просидели на кухне, о чем-то разговаривали. На следующий день он вызвался помочь отремонтировать сломавшуюся дверцу шкафа, еще несколько дней спустя Лена сама позвонила ему.

С ней было легко. Милая и улыбчивая, она в момент окружила его заботой и нежностью, заполнила пустоту в жизни, и постепенно мысли о Юле стали уходить куда-то за пелену прошлого...

Глава 1

Комната в предрассветных сумерках освещалась лишь отсветом циферблата часов на комоде. Шесть утра, воскресенье. Наконец-то можно было поспать подольше, не беспокоясь о том, что нужно спешить на службу. Во всей квартире стояла тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом работающего в кухне холодильника, да мерным тиканьем настенных часов в зале.

Незатейливая дремль мобильного телефона в один миг разорвала ночной покой начальника уголовного розыска, заставив вынырнуть из вязкого, неглубокого сна. Откинув край одеяла, Влад Демидов быстро вскочил с постели, схватил с прикроватной тумбочки нарушителя тишины и удалился в прихожую, чтобы не потревожить сна девушки, безмятежно спящей на другой стороне кровати.

– Владислав Дмитриевич, у нас ЧП! – в трубке послышался тревожный голос дежурного ОМВД Хорошево города Москвы. – Воронов уже едет, и вас ждем. Это срочно.

– Понял, еду, – вздохнул мужчина и направился в ванную, попутно вспоминая увиденный сон, оставивший неприятный осадок. Он будто предвещал что-то тревожное, еще больше добавляя нервозности к скверному с утра настроению. Черт бы побрал этого виновника ЧП! Столько планов из-за него придется менять!

Меньше чем через десять минут он, накинув легкую куртку и нажав на кнопку автозапуска машины, уже зашнуровывал ботинки.

– Ты опять на работу? – из комнаты показалась темноволосая девушка в короткой ночнушке. – Мы же сегодня за город собирались?

– Лен, сама видишь, там что-то случилось, – извиняющимся тоном ответил Влад.

– Ну, ладно, – притворно обидчиво выдохнула Лена. – А Сашу тоже вызвали? – и на утвердительный кивок опера заметила с улыбкой: – Тогда к крестнику сегодня схожу, соскучилась сильно.

Трехлетний Данечка, сын Александра и Юлии Вороновых, был любимцем и баловнем не только своих родителей, но и крестных – Влада и Лены. Две семьи связывала тесная дружба, зародившаяся в непростых условиях, и почти родственные отношения.

Саша и Влад по-прежнему работали вместе, при этом тот факт, что Воронов являлся непосредственным начальником Влада, ни в коей мере не влиял на их отношения ни в самом отделе, ни вне его стен. Влад, хотя и был подчиненным Саши, с другой стороны, и сам был начальником подразделения отдела полиции. Оба оперативники, они имели общие цели и знали, как их достичь. У каждого был довольно прочный тыл. Оба старались не смешивать семейную жизнь с профессиональной, оставляя за порогом квартиры свое второе «я».

Единственное, что омрачало счастье Влада и Лены – навязчивое желание девушки родить малыша. Финансовых ограничений в ее жизни теперь не было, что позволяло вплотную заняться своим женским здоровьем, по глупости подорванным сделанным в молодости абортom. Влад, как мог, поддерживал ее, но иногда это желание становилось причиной ссор. Слишком болезненной была тема для Лены. Слишком много сил и радостных моментов она отнимала у пары. Правильное питание, здоровый образ жизни, постоянное высчитывание благоприятных дней, занятия сексом словно по расписанию, все это начинало выводить мужчину из себя, и постоянно в голове крутились мысли о том, что еще она придумает. В последнее время у него возникла и окончательно сформировалась мысль об усыновлении ребенка, только он пока не представлял, как эту идею воспримет Лена.

Пребывая в невеселых раздумьях, Влад аккуратно припарковал свой Sportage по обозначенному дежурным адресу. Во дворе он сразу заметил несколько ППС-ников, напряженно переминающихся с ноги на ногу, ближе к подъезду стояли его опера во главе с Вороновым, кто-

то из следakov. Никак случилось что-то совсем уж серьезное, раз не побоялись вызвать самого начальника отдела в такую рань в выходной день. Несмотря на ранний час вокруг парадной и на близлежащей территории уже толпились жители.

У входа в лифт в неестественной позе лежал мужчина средних лет. Глаза неподвижно уставились в потолок, из-под спины натекала довольно приличная лужа крови, форменный китель распахнулся на груди, на белоснежной рубашке расплылось кровавое пятно.

– Черт, – чуть слышно выругался Влад.

– Я бы сказал, дьявол, – усмехнулся Саша.

– Это же... – начальник уголовного розыска не закончил свою мысль, лишь воскликнул, вложив в одно слово всю гамму испытываемых им чувств: – Охренеть!

Воронов согласно кивнул, доставая из пачки сигарету и чиркая зажигалкой. Демидов присел над трупом на корточки и внимательно его осмотрел.

– Вот геморроя-то будет, – вздохнул он, поднимаясь на ноги и вытаскивая из кармана куртки вибрирующий мобильник.

На дисплее отображался незнакомый номер. Удивленно приподняв брови – кому это приспичило ни свет ни заря, – опер ответил на звонок и почувствовал, как волной накрывает дежавю. Дрожащий голос с хрипотцой моментально воскресил в памяти прошлое, которое он давно уже забыл:

– Влад, сынок, не клади трубку. Выслушай, прошу...

Весь день Воронов провел в отделе, координируя действия оперов и следakov, согласовывая работу с прокурорскими, которые появились на пороге, стоило лишь установить личность убитого. Впрочем, на это ушло не более нескольких секунд...

Прокурор Ковальский Виталий Леонидович был широко известен в Москве своей непреклонностью в принятии решений и участием в самых громких делах, достаточно часто мелькал по телевидению. Выпускник школы милиции какого-то областного городка, позже он окончил институт прокуратуры и к своим сорока пяти сделал блистательную карьеру, дослужившись до государственного советника юстиции 1 класса. Воронов слышал, что несколько раз на него готовились покушения, но все были благополучно пресечены правоохранительными органами. Видимо, в этот раз Ковальский перешел дорогу действительно серьезным людям.

Влад, сославшись на какие-то неотложные дела, исчез сразу же после того, как криминалисты закончили свою работу на месте происшествия. От Саши не укрылось напряженное и нервное состояние друга, его смятение и нежелание вдаваться в подробности. Пообещав вернуться в отдел через пару часов, Демидов отбыл в неизвестном направлении и появился лишь к вечеру, когда за окном уже сгустились сумерки. Он вошел в кабинет медленно, как будто каждый шаг давался ему с трудом. Закрыв дверь, на несколько секунд замер, глядя куда-то себе под ноги, потом слегка покачнулся и направился нетвердыми шагами к столу.

Воронов нахмурился.

– Пьяный, что ли? – пронеслось у него в голове, но вслух Саша сказал лишь: – Вот это сюрприз.

– Иногда жизнь преподносит такие сюрпризы, что аж тошно становится, – невесело согласился Влад, тяжело усевшись на стул, и зло усмехнулся: – А ты думай потом, как с ними разбираться, с этими сюрпризами...

– Что-то случилось? – поинтересовался Воронов, разглядывая его.

– Ага, – кивнул тот и устало потер виски, чувствуя, как медленно в душе расплзается злость. – Отец у меня умер...

– Отец? – удивленно переспросил Саша. – Я думал, он давно умер.

– Лично для меня – давно, – криво усмехнулся Влад, не сводя глаз с полированной поверхности стола. – Тогда, когда ушел от нас.

Саша молчал, позволяя другу выговориться.

– Мне семнадцать было. Он просто собрал свои манатки и, сказав, что встретил свою истинную любовь, ушел к другой бабе. Причем бабе с ребенком, – зло проговорил Влад и уточнил: – Не его ребенком! Он считал, что я уже взрослый и должен его понять, что теперь уже вполне справлюсь без его присутствия, что-то говорил о том, что я всегда могу к нему обратиться. Только я тогда послал его и поклялся, что никогда ни о чем его не попрошу. Впрочем, он больше и не интересовался моей жизнью. Словно просто стер меня из нее и все.

Он замолчал, все так же глядя в пустоту. Саша не узнавал его, даже голос у него изменился – надтреснутый, глухой, совершенно чужой. Казалось бы, они так тесно общались с Владом последние несколько лет, но, оказывается, как многого Воронов о нем еще не знал. Обычно всегда неунывающий, ввязывающийся в любые авантюры, но при этом серьезный и надежный Демидов сейчас сидел перед ним мрачный, смотрящий на жизнь без особого оптимизма, с несколько циничным отношением к людям. Но все равно это был тот Влад, с которым они вместе прошли через многое, и который стал для него чем-то значимым – настоящим другом, соратником, и, пожалуй, единственным, кому Воронов мог доверять.

– Один раз я встретил его в торговом центре, – между тем, продолжил опер, – с новой пассией и ее дочерью. Счастливый семейный отдых, бл*! Я думал, что убью его! – он замолчал, зажмурившись на несколько секунд. – Когда он ушел, мать из-за него бухать стала, скатываться на самое дно. Любила его очень. На меня ей стало плевать, я остался совсем один. Я не знал, как жить и бросался из крайности в крайность. Ты не поверишь, но я связался с одной компанией, мы такие вещи творили... Я ведь все делал назло отцу, которому, по сути, не было до меня никакого дела!

– Может, это ты так думал, а на самом деле все было иначе? – предположил Воронов. – Ты хоть раз попытался с ним нормально поговорить?

– Сань, я его ненавижу! Как я мог говорить с ним нормально? – искренне удивился Влад. – Он мне всю жизнь сломал!

– Никогда не вини никого в своих бедах, ты сам выбираешь путь, которым пойдешь, – невесело усмехнувшись, спокойно заметил Саша. – Это я знаю точно.

Демидов молча покачал головой, как будто сомневаясь в сказанном, и, глядя куда-то в одну точку перед собой, через силу продолжил:

– А сегодня утром... он позвонил мне, попросил приехать, в больницу... Я, сам не знаю зачем, поехал. Оказалось, что он перенес тяжелый инфаркт. Врач долго говорил что-то об осложнениях, а я смотрел на отца, такого постаревшего, сломленного болезнью, какого-то неузнаваемого, и думал о том, что он получил сполна. Даже в такой момент я думал об этом, понимаешь? Он просил прощения у меня за то, что бросил нас, а я молчал... Молчал, чувствуя, что не смогу простить, никогда не смогу...

Влад вновь покачал головой, ощущая, как задыхается от этих воспоминаний. Он так долго носил это в себе, не признаваясь в том, что в его жизни была печальная история, до сих пор отзвучивающая мучительными спазмами подростковых обид и желанием иметь полноценную семью, которой можно было бы гордиться. Перед глазами все еще стояла та сцена в больнице, а в душе вновь поднимала голову уязвленная гордость.

– А потом он стал что-то рассказывать про эту девочку, дочь той женщины. Я сначала даже не понял, зачем он мне все это говорит. Оказывается, они поженились, и он даже удочерил ее дочь! Дал ей свою фамилию... Нашу фамилию!

– Ну и Санта-Барбара у вас, – задумчиво проговорил Воронов. – И жили они долго и счастливо...

– В том-то и дело, что недолго, – невесело усмехнулся опер. – Тетка эта умерла от какой-то болезни буквально через пару лет после этого! Девчонку забрала к себе бабка, и все эти годы отец им помогал, до последнего дня, так сказать...

– Благородно, – заметил Саша. – Влад, да прости ты уже его и просто забудь про всю эту историю.

– Я бы и рад, да не получится, – странно улыбнулся Влад.

– Это еще почему? – удивился Воронов.

– А потому что бабка тоже отдала богу душу! – развел руками опер. – И папаша слезно просил меня, чтоб я эту девку не бросал... Она же ему, типа, как дочь... Нет у нее, видите ли, никого больше, понимаешь?! Он просил об этом меня! Это я должен заботиться об этой девице, чья мать разрушила нашу семью!

Он замолчал, обхватив голову руками, чувствуя, как боль от эмоционального напряжения опоясывает, впивается в каждую клеточку, пульсирует в висках.

– Но, по сути, эта девочка ведь ни в чем не виновата, – пожал плечами Воронов.

– Ну, не виновата, и что с того? А разве я виноват? С какой стати я должен ей помогать? – снова разозлился Влад и, поднявшись со стула, нервно прошелся по кабинету.

– Если ей нет восемнадцати, то по закону ее заберут в детский дом, – проигнорировав непривычную раздражительность и злость всегда прежде уравновешенного и здравомыслящего друга, спокойно рассудил Саша. – Может, у нее есть какие-то родственники, которые могут ее взять к себе?

– Ни-ко-го, – Влад отрицательно покачал головой и снова усмехнулся: – Только я! Она мне теперь официально практически сестра.

– А что с квартирой, где они жили? – поинтересовался Саша.

– Однушка где-то в Переделкино. Только, я думаю, органы опеки одну ее там не оставят, – развел руками Демидов, на секунду остановившись.

– Влад, ну тогда у тебя без вариантов, – заключил Воронов. – Придется ей помочь.

– А если не стану?! – ухмыльнулся Влад. – Что мне за это будет? Она мне вообще никто! И я не обязан...

– Твоя обида понятна – отец бросил тебя и заботился о ней. Только ведь это не ее вина и не ее заслуга. Просто так получилось в жизни, – все так же спокойно проговорил Саша. – Что ждет ее в детском доме? И что у нее есть в жизни? Потом, спустя годы, ты сам поймешь, что зря так с ней поступил, возможно, даже пожалеешь об этом.

– А ты, я смотрю, такой правильный стал, – опер хотел еще что-то добавить, но вдруг как-то сник, вновь опустился на стул, потер виски руками, затем посмотрел за окно на серое небо, которое с противным карканьем пересекала стая ворон. – Прости, Сань. Я так устал. Теперь еще это... Наверное, ты прав... Она действительно ни в чем передо мной не виновата. Я постараюсь пересилить себя. Ведь это всего два года... А дальше – не мои проблемы... Блин, – неожиданно протянул он: – Еще неизвестно, как к этому отнесется Ленка.

Дверь открылась с первого же звонка, и на пороге возникла совсем юная девушка с темно-русыми волосами, заплетенными в причудливую косу, и огромными серыми, заплаканными глазами.

– Влад? – тихо спросила она, сразу же догадавшись, кто перед ней. Не дожидаясь ответа, чуть отошла в сторону, насколько это позволял метраж прихожей.

– Ну, привет, – выдавил он, входя в крошечный коридор однушки, расположенной на пятом этаже типичной «хрущевки». Не дожидаясь приглашения, прошелся в такую же малюсенькую кухоньку со старым гарнитуром и тусклыми обоями.

Девушка, которая до этого стояла, прижавшись к стене и сцепив руки за спиной, медленно прошла вслед за ним.

– Ну что ты так смотришь на меня? – раздраженно бросил Влад, отодвинув стул, который грозил развалиться в любую секунду, и, с опаской его оглядев, осторожно присел, откинувшись

на спинку. – Рассчитываешь, что я тебя пожалею? – Он и сам не понимал, откуда в нем такая злость к ней. Как будто это лично она увела его отца из семьи.

– Нет, – тихо ответила девчонка, отведя взгляд в сторону.

– У меня совершенно нет никакого желания нянчиться с тобой и, если честно, мне вообще по барабану, что с тобой будет дальше, – отчеканил он заготовленные по дороге фразы и усмехнулся: – Как в дешевой мелодраме, блин... Полжизни ненавидел своего отца, смерти ему желал, а когда этот момент настал, то не смог отказать в последней просьбе, – Влад покачал головой. – В общем, так, эти два года будешь жить со мной, но давай договоримся сразу – постарайся сделать так, чтобы мы с тобой особо не пересекались!

– С тобой? – удивилась девушка, взглянув ему в глаза. – Я не собираюсь жить с тобой. У меня есть где жить. Я могу и сама...

– Органам опеки нет дела до того, можешь ты или нет, – раздраженно прервал он ее, не дав договорить. – Одной тебе жить никто не позволит. Или ты со мной, или отправишься прямиком в детдом. Выбирай.

Он замолчал, бросив взгляд на девушку, которая едва заметно кивнула. В ее глазах заблестели слезы. Владу на секунду даже стало неловко за эти слова и резкий тон. Он немного помолчал, разглядывая свои пальцы.

– Не понимаю, почему он так беспокоился за тебя, ты ведь даже не дочь ему! – искренне недоумевал он. – А моей жизнью, напротив, не интересовался, как и тем, что с нами стало после его ухода...

– Папа, – произнесенное ею слово больно резануло слух, – он всегда помнил о тебе, просто не знал, как наладить ваши отношения, – помолчав, все так же тихо произнесла девушка. – Он часто рассказывал о тебе... И я все ждала, когда ты придешь к нам. Я только позже все поняла...

– Что же ты поняла? – усмехнулся Влад, не глядя на нее.

– Что ты не придешь. И что ненавидишь меня, – честно ответила она.

– Я ненавидел твою мать! До тебя мне не было никакого дела, – покачал головой он, чувствуя, что злится на этот ее тихий голос, эти признания, ясный взгляд серых глаз, какую-то еще совсем детскую наивность.

– Я все равно всегда чувствовала себя виноватой, – грустно улыбнулась девушка. – Словно это я была всему виной, хотя... Как ты уже сказал, Дмитрий Андреевич не был моим отцом, но я звала его папой. Прости... Понимаю, что тебе неприятно это... но твой отец был хорошим человеком и даже после смерти мамы продолжал заботиться обо мне.

– Да, твоя мама довольно неплохо тогда устроилась, – зло усмехнулся Влад, взглянув ей прямо в глаза. – Увела отца из семьи, своего ребенка навязала!

Она слегка покраснела под его насмешливым взглядом, не зная, что ответить.

– Ладно, все произошло так, как произошло, – он махнул рукой куда-то в сторону. – Ты приобрела отца, я его потерял. Возможно, не случись этого, моя жизнь сложилась бы совсем иначе.

– Иначе? – эхом повторила девушка.

– Ты же не знаешь обо мне ровным счетом ни-че-го, – зло усмехнулся мужчина. – И откровенничать с тобой я не собираюсь. Мы с тобой на разных полюсах, детка! И не думай, что я вдруг проникнусь к тебе заботой и превращусь в старшего братца. Все, собирайся и поехали!

– Как? Прямо сейчас? – растерялась она.

– Нет, пришло за тобой лимузин! – отрезал Влад, поднимаясь со стула и подбрасывая в руке ключи от машины.

– Но... мне нужно собрать вещи.

Смерив девушку взглядом, которым обычно смотрят на что-то мерзкое и отвратительное, он презрительно выдал: – Я не собираюсь ждать тебя. Мне еще похоронами заниматься. У тебя

пятнадцать минут, – и быстро покинул квартиру, громко хлопнув входной дверью, даже не предполагая, что она сейчас чувствовала.

Оставшись одна, Ксения с трудом поборолла желание разрыдаться и на автомате собрала самое необходимое, боясь заставлять его ждать хотя бы лишнюю минуту. Было что-то в его взгляде, от чего ей становилось не по себе. Вряд ли он когда-нибудь простит ее за то, что она дочь той, кто разрушила его семью. И эти два года, скорее всего, станут для нее адом.

Остановившись уже на пороге и обведя взглядом родные стены, она все-таки не сдержала слез. Слез, которые ничего не могли изменить. Через несколько минут черный Sportage, резко сорвавшись с места, увозил ее в совершенно другую жизнь, навсегда закрывая дверь в прошлое...

Глава 2

В машине Ксения прислонилась лбом к холодному стеклу и зажмурилась. Что она делает в автомобиле совершенно постороннего для нее мужика? И зачем она только согласилась? Она ничего о нем не знает, как, впрочем, и он о ней. Единственное, что ей известно, это то, что он родной сын ее приемного отца, и что он ее ненавидит. Где он живет? С кем? Как они будут уживаться вместе? Все эти вопросы роем проносились у нее в голове, когда она украдкой смотрела на отражающиеся в зеркале плотно сжатые губы, сурово сдвинутые брови и немигающий тяжелый взгляд.

За всю дорогу он не обронил ни слова, пока они поднимались на лифте на четырнадцатый этаж – тоже. И девушка также старалась на него не смотреть, чувствуя себя некомфортно в его присутствии. Как во сне она застыла посреди комнаты, на которую ей указал Влад, все еще сжимая в ладони ручку спортивной сумки с небольшим количеством личных вещей, и до сих пор не верила, что теперь будет жить здесь.

Ксения закрыла глаза в надежде, что за несколько секунд этот дурацкий сон рассеется, и все вернется на свои места, а еще лучше на много-много лет назад в далекое детство, и она услышит мамин голос, почувствует ее теплые нежные руки. Господи, как же давно это было...

Совместное проживание с вечно недовольной бабулей оказалось совсем не «сахаром», годами приспосабливаться к ее привычкам и образу жизни было совсем нелегко, и крошечная комнатка стала для нее маленьким мирком, в котором хотелось ото всех спрятаться. Но рано или поздно человек ко всему привыкает, и она привыкла, хотя, наверное, скорее смирилась. Ведь все эти годы она шла по жизни так, словно ее в ней и нет, не чувствуя, что кому-то нужна, не зная, что такое любящая забота, нежность, тепло. Просто шла вперед и даже не представляла, что все снова поменяется, и снова нужно будет к кому-то и к чему-то приспосабливаться, с чем-то мириться, чего-то ждать.

Легкий сквозняк и едва ощутимый запах сигарет (видимо, Влад курил возле открытого окна) вернули девушку в реальность. Это не сон, и он не закончится. Этому мужчине явно было не по душе ее водворение в его жизнь. Мрачный, грубый, с холодным, ненавидящим взглядом, он пугал ее, но в то же время он был единственным, кто у нее остался.

– Чего застыла? Я же сказал – это твоя комната на ближайшие пару лет, – Влад стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку двери, спрятав руки в карманах. – Хоромы так себе, но уж извините, я опер, а не олигарх!

Благоразумнее было промолчать, понятно же, что у него настроение ни к черту. Окинув девушку очередным хмурым взглядом, он развернулся и скрылся в коридоре. Ксении же ничего не оставалось, как опустить наконец-то сумку на пол и разглядывать свое новое место обитания. Комната была хорошая, со свежим ремонтом, но ничего особенного, впрочем, здесь не было – минимум мебели и предметов. Подойдя к окну, она раздвинула шторы и в первый миг даже замерла, разглядывая захватывающий вид, открывающийся с четырнадцатого этажа. Через дорогу от дома начинался огромный парк со множеством дорожек, расходящимися в разные стороны, и пока еще голыми деревьями, раскачиваемыми на мартовском ветру. Ну, здравствуй, новая жизнь...

Разбор вещей не отнял много времени, одежда не заняла и половины шкафа, а тетрадки и учебники уместились на четверти стола. Чем заняться дальше, она не знала. Забравшись с ногами на кровать и обхватив колени руками, сидела и смотрела за окно на наступающие сумерки. Примерно через час, когда город окончательно погрузился в темноту, пронзаемую светом многочисленных огоньков от окон домов, машин и фонарей, она все-таки решилась выйти из комнаты.

В глаза тут же бросилась женская одежда на вешалке в прихожей, которую она поначалу не заметила, куча флакончиков на полочке в ванной, еще какие-то мелочи, в которых чувствовалось присутствие женщины, причем молодой женщины. Стало еще неуютнее. Она как будто вторгалась в чужой мир, не предназначенный для нее. Она явно здесь лишняя.

Влад был на кухне, что-то искал в одном из шкафчиков. Вновь одарив ее хмурым взглядом, он кивнул на стул возле небольшого круглого стола.

– Не рассчитывай, что тут с тобой будут нянчиться, – предупредил он, ставя перед девушкой большую кружку с чаем и пододвигая к ней доску, на которой лежал нарезанный хлеб и ветчина. – Надеюсь, обслуживать сама себя умеешь?

– Умею, – ответила Ксения, чувствуя, что вот-вот провалится сквозь землю от стыда. Он, что, намеренно хочет унижить ее как можно сильнее или это у него такая манера общения? И все-таки, пересилив себя, подняла на него глаза и сказала: – Спасибо, Влад.

Кажется, на мгновение он даже опешил. Взглянул с каким-то недоумением и ушел из кухни. Неужели ее присутствие настолько ему противно?

Приглушенный звук телевизора, по которому шел какой-то старый фильм, и наступившая темнота за окном создавали иллюзию домашней атмосферы, и Ксения изо всех сил отгоняла от себя безрадостные мысли. Отчаяние ей не поможет. Лучше взглянуть на новые обстоятельства жизни более-менее оптимистично – она уже давно привыкла к своему одиночеству, к тому, что всю жизнь приходится полагаться лишь на себя, что стоило быть благодарной уже за то, что Влад не оставил ее на произвол судьбы, а уж требовать от него какого-то сочувствия, понимания и заботы было бы уже слишком. Конечно, им будет сложно найти общий язык, а может, это и вовсе ни к чему – пережить бы эти два года, а она уж постарается поменьше попадаться ему на глаза.

Выпив чаю и вымыв за собой посуду, Ксения вернулась в свою комнату и уткнулась лицом в подушку. Этой ночью она не заснет. Чужой дом, чужая постель, она сама казалась себе чужой. В душе творилась полная неразбериха и растерянность, будущее представлялось в каком-то тумане, сером и непроглядном, как и вся ее прежняя жизнь. Хотелось плакать, только слез не было. Они давно закончились, наверное, еще в первые годы после смерти мамы.

Раньше, после ссор с бабушкой, когда она тайком утирала слезы, ей казалось, хуже уже быть не может, но как же она ошибалась. Оказывается, может. Бабушка, хоть и ругала ее частенько, все равно любила по-своему. А сейчас Ксения каждой клеточкой ощущала неприкрытую ненависть со стороны нового родственника, которая давила, мешала дышать, но девушка просто не знала, как изменить его отношение к себе в лучшую сторону или хотя бы перевести на нейтральные ноты.

Влад молча сидел в зале, бездумно щелкая пультом от телевизора. То, что мелькало на экране, его совершенно не интересовало. Все мысли крутились вокруг Ксении.

Ему и самому вдруг стало стыдно за свое поведение. За свои колкие слова и презрительный взгляд, которым он готов был ее просверлить, намеренно показывая, насколько тягостно для него ее общество и их вынужденное совместное проживание. Девчонка вела себя тихо и сдержанно, ни о чем не спрашивала, ничего не просила. Даже кольнуло где-то в сердце... Жалость? Злясь на себя самого, Влад отшвырнул пульт и, захлопнув дверь спальни, открыл створку окна и снова закурил. В этот момент из прихожей послышался звук отпираемой двери, бряцанье ключей. Лена. Придется объясняться.

– Она постоянно будет у нас жить? – спросила подруга перед сном, когда они остались наедине в своей комнате.

– Пока да, – ответ Влада был краток.

– Пока?

– Пока ей не исполнится восемнадцать.

– А потом что? – мужчина лишь пожал плечами. – Не знала, что у тебя есть сестра.

Влад отвернулся, всем своим видом показывая, что не хочет обсуждать эту тему. Может, ему действительно не стоило торопиться, поговорить сначала с Леной, прежде чем тащить девочку домой? Но в тот момент ему хотелось побыстрее покончить с неопределенностью, обозначить проблему (а Ксения была для него проблемой), и потом уже решать ее.

– Она учится? – слова девушки застали его врасплох. Об этом он совсем не подумал. – Сколько ей лет?

– Шестнадцать.

– Где она учится? В школе? Колледже? – продолжала сыпать вопросами Лена.

– Без понятия, – отрезал Демидов.

– Как-то странно, ты привел ее к нам, а сам даже не удосужился узнать хотя бы, где она учится, – с искренним недоумением проговорила девушка. – Я так понимаю, теперь мы за нее в ответе. Тем более Ксения еще подросток, у нее переходный возраст. И если с ней, не дай бог, что-нибудь случится, то отвечать будем мы. Нам нужно найти с ней общий язык, а ты на нее волком смотришь.

Влад по-прежнему молчал, погруженный в свои мысли, и больше не промолвил ни слова.

А утром, собираясь на работу, Лена стала невольным свидетелем непростого разговора между Демидовыми. Ей было искренне жаль девочку, волею судьбы вошедшей в их семью. Лена сразу заметила, что Ксения была серьезная не по годам, не капризная и не избалованная. Она напоминала маленького испуганного зверька – девочка не понимала, каким образом очутилась здесь, и что ей нужно и можно делать.

Сама Лена до сих пор прекрасно помнила, как после школы приехала в Москву поступать в институт и вынужденно остановилась у своей дальней родственницы, которой она совершенно была не нужна. Ее присутствие тяготило домашних, она явно чувствовала себя лишней, и каждый ее промах сопровождался неодобрительными взглядами и язвительными замечаниями. Неудивительно, что сразу же после того, как она сменила статус абитуриентки на студентку медицинского колледжа, то, долго не задерживаясь, переехала в студенческое общежитие. Но забыть неуютную семью тетки так и не смогла.

Вот и в это утро она почувствовала жалость к Ксении, слыша, каким тоном с ней разговаривает Влад. Ее Влад, которого она всегда знала как здравомыслящего и зрелого человека, к советам которого прислушивались, и на чье мнение полагались!

– Где ты учишься? В какой школе? – разговор скорее походил на допрос.

– В двадцать третьей. Через дорогу от дома, – тихо ответила Ксения.

– После похорон переведем тебя сюда, возле нашего дома, – поставил ее перед фактом новоиспеченный брат.

– Но зачем? – недоуменно возразила девушка.

– У меня нет времени тебя возить.

– Меня не нужно возить. Я сама могу прекрасно добраться до школы.

– Это вообще на другом конце Москвы, – не желая слушать ее доводов, оборвал Влад. – Сколько ты будешь тратить времени на дорогу? Полдня туда, полдня обратно? Будешь учиться здесь, – отрезал он, – и постарайся не создавать проблем.

Лена готова была сквозь землю провалиться от стыда за Влада, за его грубость и пренебрежение, сквозившие в каждом слове. Она даже забыла, зачем так надолго задержалась в ванной комнате, а вспомнив, быстро повернулась к зеркалу и, затаив дыхание, уставилась на стеклянную полочку возле него. Неужели? Неужели случилось то, чего она так долго ждала, в чем ее давно убеждал врач? Неужели, да?

– Да, – робко всколыхнулась в душе надежда, а потом уже громче: – Да! – одна ярко-красная полоска, а рядом еще одна, бледно-розовая.

Голоса на кухне стали еще громче, еще напряженнее, вырывая девушку из радостного мира грез о будущем материнстве.

– Я хочу вернуться домой и жить одна! – в звонком голосе подростка зазвучали нотки возмущения и обиды.

– Ага, одна, – мужской голос тоже взял на октаву выше, – а жить ты на что будешь?! Только не говори, что работу найдешь. Без образования и по возрасту тебя никто не возьмет на приличную работу. Или ты хочешь на неприличной трудиться?

Ксения вспыхнула. Да за кого он ее принимает! Она только раскрыла рот, чтобы высказать так называемому братцу все, что она о нем думает, и послать его куда подальше, как он снова ее оборвал, не дав и словечка вставить:

– Да через полгода у тебя на квартире притон будет! Думаешь, мало найдется желающих запудрить мозги малолетней дурочке и заполучить квартиру в Москве? На наркоте подсадят и все, кончишь или в подворотне или в борделе!

– Влад!

Из ванной комнаты выскочила Лена, ее прямой пристальный взгляд был красноречивее слов. Ксения, порывисто развернувшись, быстро скрылась в своей комнате.

– В общем, так, сегодня в школу не пойдешь! – прокричал ей вслед Влад. – А через пару дней напишем заявление на перевод, будешь ходить в школу в этом районе. Завтра сделаю тебе ключи, сегодня сидишь дома. И не вздумай куда-нибудь свалить! Я – мент, быстро тебя найду!

– Влад, ты что несешь, вообще?! – зашипела на него Ленка. – Ты в своем уме?!

– Ты на работу собираешься?! Тебя довести? – огрызнулся он в ответ.

– Довести! Только кричать не нужно.

– Я тебя на улице жду!

Чувствуя вину перед нечаянной родственницей, Лена перед уходом заглянула к ней в комнату. Ксения сидела на кровати, сцепив руки в замок и обнимая колени.

– Ксюш, ты извини Влада. Он не такой хам и грубиян, каким кажется. Я не знаю, что на него нашло, но, я уверена, это у него скоро пройдет. Чувствуй себя как дома, – на что Ксения лишь горько усмехнулась.

По тому, как резко Влад заводил автомобиль, как громко выругался на зазевавшегося пешехода, Лена поняла, что тот и не собирался остывать, хоть как-нибудь бороться с раздражением.

– Слушай, что с тобой, а? Я тебя не узнаю, – не выдержала она. – Это все из-за этой девочки, из-за Ксении?

– Не говори мне про нее, – со злостью процедил сквозь зубы Демидов.

– Ну а зачем тогда ты привел ее к нам? Зачем?! – не унималась девушка. – Ты ее сам привел, понимаешь, сам, а теперь злишься на нее и на меня за это.

– Лен, давай не будем, а?

– Нет, будем, – Лене очень хотелось поделиться с ним радостной вестью, но разборки по поводу нового члена семьи делали это невозможным – не тот настрой сейчас был у них. – Нужно сразу во всем разобраться, не дожидаясь, пока все станет еще хуже.

Влад неожиданно съехал на обочину, заглушил двигатель и развернулся к Лене.

– Ну, давай поговорим, – зло усмехнулся он.

– Мы опоздаем, – девушка демонстративно глянула на наручные часы.

– Ну, ты же хотела поговорить, давай говори, – на нее смотрел какой-то совершенно незнакомый ей человек.

– Раз ты привел ее к нам, то и води себя соответственно. Это было твое решение, не ее, не мое, твое, не вынуждай нас подстраиваться под твоё настроение и чувствовать себя виноватыми в твоих проблемах с отцом.

– Ты все сказала? – пропустив мимо ушей слова Лены, невозмутимо спросил он и, в ответ на ее молчание, также молча завел авто. Лишь когда девушка выходила из машины возле больницы, уже спокойным тоном сказал: – Я вечером, скорее всего, задержусь. Мне нужно еще договориться насчет погребения.

– Итак, что мы имеем, – подвел итог совещания Воронов, окинув взглядом собравшихся в его кабинете начальников уголовного розыска, следствия и судмедэксперта. – Смерть наступила в результате огнестрельного ранения, которое пришлось прямо в сердце. Выстрела никто не слышал, что дает основание предполагать, что стреляли из пистолета с глушителем. Камеры в подъезде предварительно вырубili. Произошло это примерно около двенадцати ночи. В подъезде всего десять квартир, поэтому обнаружили труп только утром, когда старушка с третьего этажа пошла выгуливать своего пса.

– Откуда же наш дядечка так поздно возвращался? – задумчиво проговорил Влад, всеми силами стараясь сосредоточиться на работе, в то время как все его мысли занимали домашние проблемы.

– Говорят, весь день просидел на работе. По словам коллег, он все свое свободное время отдавал любимому делу, даже в выходные. Брался за самые тяжелые дела, причем сразу за несколько и все доводил до конца, – подключился к разговору Владимир Витальевич, начальник следственного отдела.

– Сделаем запрос списка его клиентов за последнее время, – вздохнул Демидов, зная наперед, какая это волокита, сколько нужно будет предъявить документов, прежде чем они получат эту бумажку.

– Да. Займись этим. Надо проверить каждого, – кивнул Саша, делая пометки в своем ежедневнике. – Может, у кого-то были мотивы.

– Вообще, странно, такой серьезный мужик и ходил без охраны, – помолчав, сказал Влад.

– Говорят, он поднялся из самых низов. Начинал со школы милиции, работал следователем в обычном ОВД где-то в пригороде, – ответил Владимир Витальевич. – На его счету много раскрытых громких дел, и в прокуратуру он попал лишь благодаря своему уму, а не каким-нибудь родственным связям, как это бывает. Человек чести. И даже дослужившись до государственного советника, никогда не кичился своим статусом.

– Помешал кому-то наш государственный советник, серьезно помешал, – Воронов захлопнул ежедневник, давая понять, что совещание закончено. – Ладно, идите работайте. Влад, а ты задержись.

В наступившей тишине Ксения еще какое-то время сидела неподвижно, чувствуя, что напряжение не отпускает, несмотря на то, что в квартире никого не было и можно было расслабиться. Неприятное чувство, мерзкое, как будто холодная змея пробралась к сердцу и, свернувшись там клубком, застыла ледяным камнем.

Девушка решила воспользоваться проверенным способом восстановления душевного равновесия, единственным, которое могло помочь ей в данной ситуации – принять горячую ванну с душистой, ароматной пеной. Как исчезали и лопались блестящие пузырьки, сдуваемые с рук, так обычно таяли в воздухе и все ее тревоги и печали, не оставляя после себя ни следа.

Закрыв глаза, она нежилась в мягкой воде, ощущая, как невесомая пена ласково щекочет обнаженную кожу, вызывая улыбку на лице. Хотелось забыться, заснуть и не проснуться. Чувствуя, как во всем теле появляется знакомое чувство легкости, Ксения обернулась полотенцем, вытерла запотевшее зеркало над раковиной и замерла, увидев интересный предмет на стеклянной полке. Она была уже достаточно взрослой, чтобы понять, для чего нужна эта тоненькая полоска белой бумаги. Видела у лучшей подруги Маринки – та периодически покупала такие

в аптеке, объясняя, что ее парень Димка не хочет пользоваться «резинками», а от таблеток ее тошнит, и с радостью потом демонстрировала их с одной полоской на белом фоне.

В этот раз на тесте четко проступали две темно-красные черты. Все ясно, Лена беременна, и совсем скоро жизнь в доме будет крутиться вокруг маленького комочка, ребенка Влада и Лены. Остро пронзила мысль: если она им сейчас не нужна, то что будет потом, когда ребенок родится? Будут видеть в ней «лишний рот», нахлебницу, в лучшем случае бесплатную няньку. Мимолетно подумалось, что им тоже нужно дать время привыкнуть к ней, к ее присутствию в их жизни, что они ничего ей не должны и не обязаны о ней заботиться, но эта мысль, не успев окончательно закрепиться, растаяла под ворохом сомнений. Немного подумав, девушка схватила сумку, покидала в нее все свои вещи и ушла, захлопнув за собой дверь.

Глава 3

Улыбаясь своим мыслям, Лена торопливо вышла из метро и направилась в сторону дома. Несмотря на мелкие неурядицы в семье, она была счастлива. Наконец-то сбывается ее давняя мечта – муж, ребенок, теперь даже родственница со стороны мужа есть. Хотя они и не были расписаны с Владом, она давно уже привыкла считать себя женой, а его мужем. Влад показал себя серьезным, заслуживающим доверия мужчиной, и Лена вполне резонно считала, что ей с ним повезло, особенно если учесть ее неудачный опыт первого брака.

Они вступили в тот возраст, когда важнее всего стабильность и надежность. Не нужны были какие-то нелепые или безрассудные поступки, подтверждающие чувства, красивые слова. Главное – это общий быт, общие друзья, с которыми отмечались все праздники, совместно приобретенная квартира и сходство взглядов на многие вещи. Почти что «полное взаимопонимание», которое, как надеялась девушка, не сможет разрушить появление Ксении.

Молчание домофона удивило и насторожило Лену. Неужели Ксюша решила проявить строптивость? Демонстративно показать, что Влад ей не указ? Или же ей просто наскучило сидеть дома, и она вышла погулять? Только ключей-то у нее не было. Но, поднявшись в квартиру, Лена тут же поняла: отсутствие ключей Ксению никоим образом не беспокоило.

– Влад, Ксюши нет дома, она ушла, – медленно проговорила в трубку Лена, даже на расстоянии чувствуя, что тот начал заводиться. – И, кажется, совсем ушла. Вещей нигде нет.

Выслушав его короткие, рубленые фразы, девушка загрустила. Да уж, веселый вечер предстоит сегодня. Опять не самое подходящее время, чтобы наконец-то поделиться радостью. Она прошла в ванную, взяла в руки позабытый с утра тест, несколько секунд с улыбкой смотрела на него, а потом спрятала тонкую полоску бумаги в навесной шкафчик, чтобы при случае полюбоваться на это свидетельство чуда еще.

Через несколько минут после звонка Лены Влад уже заводил машину, уставившись в открывшуюся карту – искал наикратчайший путь в район, где жила так называемая сестра последнее время. В час пик добираться туда проблематично, и, как назло, никого из знакомых ментов в том округе не было.

Что-то подсказывало ему, что приехав на квартиру, он найдет лишь запертую дверь. Девчонка не дура, чтобы поехать напрямик обратно, она знает, что он в тот же вечер примчится за ней и хоть волоком, но утащит обратно. Внутри неожиданно екнуло: а если она не сама сбежала, а если ее украли? Но он тут же постарался отогнать эту нелепую мысль от себя. Да, умоляя его позаботиться о Ксении, отец говорил, что всерьез опасается за ее безопасность. Но кто бы ни были те, кого боялся Демидов-старший, Влад не был уверен в том, что они уже знали, куда могла исчезнуть Ксения. Но если эти люди действительно настроены решительно, то, скорее всего, они будут караулить ее возле дома, и ее появление там может вылиться в крупные неприятности. Да уж, не хватало еще разборок с криминалом из-за девчонки...

Сектор светофора загорелся красным, Влад плавно нажал на тормоз, оценивающим взглядом окинув выстроившийся перед ним длинный ряд машин. Стоять придется долго, как раз будет время вспомнить все детали разговора с отцом. Влад не очень-то вникал в его слова тогда, но сейчас он постарался воскресить в памяти все подробности сбивчивой исповеди больного.

После ухода из семьи Демидов-старший вместе с новой женой и ее дочерью вернулся в родной город, где они и прожили счастливые несколько лет. Однако неожиданная смерть матери Ксении от осложнений, вызванных примитивной простудой, буквально перевернула всю их жизнь. Девочку пришлось отправить к бабушке, а сам Демидов с головой погрузился в работу. Несколько раз в месяц он приезжал к ним в Москву, привозил деньги и подарки для

приемной дочери, которая относилась к нему как к родному отцу, и вроде бы жизнь вновь вошла в привычный ритм: работа-дом-поездки в Москву, и ничего не предвещало надвигающихся потрясений.

Три года назад, как раз в конце весны, когда девочка с бабушкой приехали на летние каникулы к Демидову в Подмоскovie, Ксения стала невольной свидетельницей разбойного нападения на соседа и сокурсника отца, возглавлявшего следствие в их подмосковном городишке. Трое отморозков с битами напали на ничего не подозревающего мужчину, и если бы не Демидов-старший, спустивший на хулиганов огромную собаку, то все могло закончиться плачевно.

Уже потом следователь рассказал Демидову, что это были не просто хулиганы, а самые настоящие бандиты, угрожавшие ему расправой за несокрытие улики некоего дела. Несколько месяцев спустя этот следователь попал в аварию, причем видеокамеры на том участке трассы отсутствовали, и посторонних повреждений на его автомобиле обнаружено не было. Заключение экспертизы гласило, что мужчина не справился с управлением на плохо освещенной ночной трассе.

Дочь бывшего начальника следствия, которая проживала в Москве и тут же примчалась, тоже никак не могла поверить в то, что ее отец, водитель с двадцатилетним стажем вождения, прекрасно ориентирующийся в своем районе, просто влетел в отбойник из-за плохого освещения трассы, по которой ездил ежедневно. Не верил и Демидов, однако на похоронах воздержался высказывать свои мысли относительно произошедшего. И причины для этого молчания были достаточно вескими. Буквально накануне смертельной аварии, друг появился на пороге их дома и передал через Ксению пакет документов для Демидова, сказав, что это очень важно, и он, Демидов, в случае чего, сможет ими правильно распорядиться. На следующее утро новостные ленты пестрили кадрами с места происшествия.

Демидов, в прошлом и сам сотрудник органов, внимательно изучив все документы, понял, что с этим соваться куда попало не следует. После долгих раздумий и осторожных расспросов он выбрал наиболее верный, по его мнению, вариант – передал все документы своему хорошему знакомому, работавшему в прокуратуре Москвы, который пообещал разобраться в этом деле сначала негласно, а потом, когда доказательная база будет собрана, уже возбудить дело. Но он сразу же предупредил, что времени на это может уйти много, так как дело будет громкое – тут замешаны не только рядовые сотрудники правоохранительных органов.

Прошло больше двух лет, и Демидов думал, что уже никаких подвижек в этом деле не будет, как неожиданно около трех месяцев назад из Москвы нагрянула проверка. По рассказам знакомых ментов из отдела, «трясли всех нехило», начальник местного ОВД и его зам, начальник уголовного розыска, здорово перенервничали, угрохали кучу бабла и таки отмазались. В итоге посадили одного из оперов, приближенных к начальству, предъявив доказательства его непосредственного участия в вовлечении несовершеннолетних в проституцию. И все. Казалось бы, все затихло, но нет.

Пару дней назад к Демидову ночью ворвались неизвестные в масках, угрозами пытались выведать о местонахождении документов, переданных ему несколько лет назад. Они искали «стукача, который слил всю инфу прокурорским». Демидов, конечно же, сделал вид, что он вообще не в курсе и представления не имеет, о чем была речь. Нападавшие ушли, но сделали предупреждение, что если он им «нагнал», то ответит за это, как и его приемная дочь. У него не было оснований сомневаться в их угрозах – они назвали точный адрес, по которому проживала в Москве Ксения. После смерти бабушки она осталась в квартире одна, и Демидов планировал в скором времени вновь перебраться в столицу, но не успел. От пережитого стресса сердце не выдержало, и мужчина попал в больницу. Единственным человеком, который мог защитить девушку, был Влад, сын от первого брака, оперативник.

Влад ухмыльнулся: «Надо же, как за нее переживал, сразу же про сына вспомнил! Через столько-то лет!» Постаравшись абстрагироваться от ситуации, отключить все личное, он попытался вспомнить, каким был отец, можно ли верить его словам. Пришел к выводу, что можно, но тогда получалось, что Ксении действительно угрожала опасность. Видимо, подсознательно им руководило все же оперское чутье, раз, несмотря на все нежелание иметь хоть какое-то отношение ко второй семье отца, он в тот же день нашел эту девочку и привел ее к себе. И сейчас, бросив все, мчится на ее поиски.

Как он и ожидал, квартира встретила его молчанием. Вышедшая на стук соседка сразу же подтвердила, что Ксения не появлялась. Быстро прикинув в уме, куда могла пойти девочка-подросток, он вышел на улицу и окинул взглядом двор. Жаль, что не поинтересовался, в каком классе она учится – можно было бы сходить в школу, справиться там о ее друзьях. Куда ей еще идти как не к ним? Снова поднявшись на тот же этаж, он позвонил в соседскую дверь и через пять минут уже знал, что Ксения дружила с Маринкой, жившей где-то в соседнем дворе.

Соседних дворов оказалось целых два, и в каждом по три пятиэтажных дома. Конечно, пятиэтажки намного облегчали поиски, ведь если бы здесь были выстроены двадцатиэтажки, то ему и полжизни, наверное, не хватило бы найти нужных жильцов. Через дорогу от этих пятиэтажек выросли громадные новостройки, торговые центры, шумная магистраль, а тут словно сохранился прошлый век – маленькие дворики с разноцветными детскими площадками, старушки на лавочке возле одного из подъездов и тишина.

Отбрасывая мысли о пропадающем впустую времени, он направился к старушкам – любой уважающий себя мент знает, что они самые ценные свидетели, всегда знающие обо всем и обо всех.

– Добрый день! Позволите? – дружелюбно поздоровался Влад и, получив приглашение, присел на край скамейки рядом с двумя бабульками весьма преклонного возраста. – Вы в этом дворе живете?

– Да, в этом! – немного с вызовом ответила одна из них, гордо поджав губы, щедро окрашенные ярко-фиолетовой помадой. – А вы откуда? Из газеты?

– А, что, похож на журналиста? – даже усмехнулся Демидов, ответив вопросом на вопрос.

– Так, к нам теперь часто журналоги приезжают, все интересуются, – проскрипела вторая в платочке модной расцветки с надписью *faberlic*.

– И что же такого примечательного в вашем дворе произошло, если не секрет? – с неподдельным интересом спросил Влад.

– Так, все из-за тренера этого футбольного, как его там, Федоровна? – повернулась старушка к своей компаньонке. – Я все время забываю его фамилию. Таким фазаном ходил, ни с кем не здоровался, на этом... внедорожнике раскатывал, чуть мою Дуську не задавил один раз, – бабка кивнула на тощую кошку, греющуюся неподалеку на весеннем солнышке. – Так, он пока на своих сборах где-то был, у него полквартиры вынесли, причем середь бела дня, так что даже ни одни соседи не видели. Все! Подчистую!

– Правильно, если б с соседями знался, такого точно бы не произошло, – вредно сморщив нос, поддакнула подруге вторая старушенция.

– А вы-то всех своих соседей здесь, наверное, знаете? – уцепился за конец разговора Влад.

– Мы-то? Конечно! Я всю свою жизнь здесь прожила, в этом доме, – гордо заявила словоохотливая бабулька. – И Федоровна тоже.

– А вам что-нибудь говорит фамилия Демидовы? – осторожно спросил опер. – Девушка шестнадцати лет, Ксения, и ее бабушка. Хотя у бабушки, скорее всего, другая фамилия. Они жили вон в том подъезде, – он указал рукой в нужном направлении.

– Вы из милиции, что ли? – нахмурившись, поинтересовалась все та же старушенция.

– Из полиции, – поправил ее Влад, вытаскивая из внутреннего кармана служебное удостоверение и демонстрируя его бабулькам. – Я ищу Ксению Демидову. У нее украли сумочку

с документами, наши сотрудники все нашли. Хотел вернуть, да ее дома нет. Соседка говорит, что она может быть у подруги Марины. Вы, случайно, не знаете, где эта Марина живет?

– Это какая Ксения, внучка Петровны, что ли? – перебила его бабулька, обращаясь к своей подруге. – Царствие ей небесное...

– Вы ее знаете?

– Да вроде других Ксюш у нас нет. Это внучка Алевтины Петровны, они в том подъезде жили, хорошая девочка, вежливая, – кивнула бабулька в том же направлении, куда до этого указывал Влад. – Алевтина умерла две недели назад, – помолчав, проговорила старушка и призадумалась. – А Маша, дочка ее, давно уже умерла... Лет восемь назад.

Влад молчал, позволяя словоохотливым бабулькам выговориться, вдруг еще что интересное узнает.

– Из-за болезни, что-то серьезное у нее было, – продолжила бабка и обратилась к своей молчаливой соседке: – Сколько Ксюшке тогда было, лет пять-шесть? – снова повернулась к мужчине, поясняя: – Дочка Машина. Алевтина-то уже давно овдовела, а тут еще и дочь умерла совсем молодая, вот она остаток жизни внучке и посвятила, Ксении, хотя характер у нее был не сахарный. Строгая она была к ней, слишком строгая. Не хотела, чтобы внучка испортилась.

– Маша, царство ей небесное, Ксению-то вне брака родила, – подключилась к разговору вторая. – А потом, когда Ксюшка еще совсем маленькая была, с каким-то мужчиной женатым встречалась, может, он и был отцом, мы уж не знаем. Но они какое-то время даже жили вместе, где-то в Подмоскowie. Вот Алевтина-то наплакалась...

– А потом? – вежливо поддержал разговор Влад. Нелишним будет узнать о девчонке как можно больше.

– А потом Маша умерла, и Алевтина взяла Ксению к себе, а мужчина тот, он часто приезжал к ним еще, привозил продукты и деньги. Точно, видимо, отец Ксюхин.

– Ясно, – подытожил опер. – А Марина-то где живет? Подруга Ксюхи?

Влад быстро поднялся на нужный этаж и надавил на кнопку звонка. За тонкой перегородкой стен была слышна громкая музыка и женский смех. Хозяйева явно были дома, но открывать ему не спешили. Мужчина снова нажал на звонок и, уже начиная злиться, несколько раз стукнул кулаком по двери.

Наконец послышались шаги, и после некоторого промедления дверь приоткрылась. На пороге появилась девица в узкой майке и рваных джинсах и взглянула на него с недоумением.

– Вам кого?

От девахи прилично несло алкоголем, а из приоткрытой двери квартиры тянулся сигаретный дым.

Особо не церемонясь, Влад распахнул дверь и, отодвинув растерявшуюся девицу в сторону, уверенным шагом прошел вглубь квартиры. Вся тусовка проходила на кухне. Из динамика магнитофона разносилась музыка, на столе стояла полупустая бутылка вина и практически приконченная бутылка водки, из закуски – нарезка колбасы и шоколадка. За столом, спиной ко входу сидела Ксения, напротив нее – два парня примерно того же возраста, что и они с подругой.

– Дядя, ты чего здесь забыл? – поднялся один из них, долговязый подросток с прыщавым лицом и взъерошенными волосами.

Ксения тоже обернулась, и глаза ее медленно расширились от удивления.

– Ты? – только и смогла произнести она.

– Домой! – коротко приказал Влад, отмечая про себя сигарету, которую девушка держала в руке. – Быстро!

– Я сейчас полицию вызову! – погрозила Маринка, возникшая за его спиной.

– Родителей твоих не мешало бы вызвать! И ремня тебе хорошего дать!

Маринка задохнулась от возмущения.

– Дядя, а ты не прих**ел ли? – нагло двинулся на него все тот же прыщавый подросток.

– Пасть закрой, – даже не посмотрел на него Демидов, не сводя глаз с Ксении. – Вещи твои где?

Девушка поднялась со стула и медленно подошла к нему.

– Я... никуда... с тобой... отсюда... не пойду! – глядя ему в глаза, по слогам произнесла Ксения, поднесла сигарету к губам и, неумело затянувшись, выдохнула дым в лицо оперу.

Не говоря ни слова, Влад залепил ей звонкую пощечину, отчего девушка чуть не упала на стоявший позади нее стол. Неожиданный удар оглушил ее, и краска стыда залила лицо. Одной рукой схватив ее за запястье, второй мужчина забрал у нее сигарету и затушил о тарелку с закуской. Не сильно церемонясь, вытолкнул ее в коридор и грубо бросил:

– Собирайся! Живо!

Наблюдая за тем, как она суетливо кидает вещи в сумку, хмуро и твердо предупредил:

– Еще раз свалишь так, получишь.

Полтора часа, что они ехали обратно до дома, прошли в молчании. Демидов усиленно делал вид, что следит за дорогой, а Ксения – что ее очень интересуют проплывающие за окном дома. Иногда она потирала до сих пор саднившую щеку и пыталась убедить себя в том, что ничего не произошло. Не глядя друг на друга, они поднялись в квартиру и так же молча разошлись по комнатам. Напряженная тишина разлилась в воздухе.

Утро было пасмурным и вполне сочеталось с настроением Влада, который проворочался почти до самого рассвета и задремал незадолго до звонка будильника. Выпив две кружки крепкого кофе и выкурив сигарету, он стоял возле окна, уставившись пустым взглядом куда-то в серое небо, грозившее вот-вот разразиться дождем или, чего доброго, снегом. Он думал о том, что ему предстоит долгий малоприятный день – похороны, перевод Ксении в другую школу, оформление бумаг в органах опеки. Дел много, а выходной, данный ему в связи с похоронами, один. Сложившаяся ситуация просто выводила его из себя, но обратного пути уже не было – какое-то время ему придется участвовать в ее жизни.

На похоронах присутствовали они с Леной, Ксения и несколько бывших коллег отца. Церемония прошла по стандартной схеме, быстро и слаженно, благодаря хорошей оплате организаторам. Влад пытался думать об отце, хотя бы в такой момент как-то попрощаться с ним, однако мысли все время возвращались к тем событиям, про которые тот ему успел рассказать, и он все чаще задумывался о том, что может поведать Ксения о том вечере, когда ей были переданы упомянутые документы. Хотя девчонке тогда было всего тринадцать, вряд ли она может рассказать что-то стоящее.

Первая неделя новой жизни для девушки прошла относительно спокойно. С утра Ксения уходила в школу, послеобеденное время проводила дома, стараясь, чтобы ее присутствие было необременительным для молодой семьи. Строгая бабушка многому научила девушку, и Ксения по привычке, приходя из школы, делала ежедневную уборку дома и готовила ужин. К тому же ей не хотелось слышать в свой адрес упреки. Лена и Влад частенько оставались на ночное дежурство, и ее помощь была как нельзя кстати.

Как только в двери проворачивался ключ, девушка сразу же садилась за уроки и просиживала за ними допоздна. Таким образом она убивала сразу двух зайцев: избегала необходимости общаться с домочадцами и старалась нагнать учебную программу новой школы, которая была значительно сложнее той, что преподавали в ее старой школе. Ксения понимала, что хорошее образование еще никому не помешало, и рассчитывать ей, кроме как на себя, было не на кого.

Лена относилась к ней ровно, ничем не выказывая своего недовольства, и Ксения была ей за это благодарна. Она чувствовала, что между ней и Владом не все гладко, и не была вполне

уверена, что это не из-за нее. Иногда она слышала, что за закрытой дверью спальни говорят на повышенных тонах, а за завтраком или ужином все чаще напряженно молчали.

Ксения успокаивала себя тем, что терпеть ей оставалось совсем немного. Два года, всего лишь два года, и она станет совершеннолетней, сможет вернуться в свою квартиру и начать новую жизнь, без «брата», ненавидящего ее только за то, что она есть и носит ту же фамилию и отчество, что и он. Ксения надеялась, что предстоящие два года пролетят как один день, не сильно омрачив ее последующую жизнь, и даже не представляла, насколько она ошибалась.

– Привет, красавица! – услышала Ксения за своей спиной, едва войдя в класс, еще не заполненный учащимися и наполовину. Следом за ней в комнату вошел невысокий парень, сама внешность которого говорила за себя – «неуправляемый подросток из неблагополучной семьи», с кем не связывались одноклассники, и которого даже слегка опасались учителя. Костя Ковылев таковым и являлся, и проявленные с первого дня знаки внимания с его стороны Ксении совсем не нравились.

– Привет, – сдержанно ответила девушка, проходя к своему месту возле окна.

– Я чего подумал, может, сегодня после уроков в кино махнем, а? – почесав затылок, весело проговорил парень, игнорируя холодность новенькой.

– Я не могу, извини, – покачала головой Ксения, садясь за парту и доставая из сумки нужные учебники и тетради.

– Что, недостойн внимания столь прелестной барышни? – не унимался тот, присев за впереди стоящую парту и развернувшись к девушке.

– Я же сказала, я не пойду, – сдержанно произнесла Ксюша, стараясь, чтобы ее отказ не звучал слишком грубо. Она уже поняла, что все в классе давно привыкли к его наглому поведению и старались с ним не связываться.

К счастью, в класс все прибывали учащиеся, вскоре пришла и соседка Ксении по парте, и Костя неохотно удалился на свое место. Однако на протяжении всех уроков девушка все время ощущала на себе его пристальные взгляды. Она старалась не смотреть в его сторону, сосредоточенно слушая учителей и что-то записывая в тетрадь, но в какой-то момент все-таки повернулась в его сторону, их взгляды на секунду встретились, и парень послал ей воздушный поцелуй.

Ох, как же Ксении это не понравилось! Она – совершенно обычная девчонка, новенькая, еще не успевшая завести друзей в классе, а потому держащаяся несколько обособленно от остальных, и тут внимание самого отъявленного хулигана класса. Вот счастья-то привалило! И учиться-то осталось чуть больше года.

Выйдя из школы после окончания уроков, Ксения направилась в сторону дома, но не успела пройти и десятка шагов, как перед ней возник уже знакомый силуэт, преграждая путь.

– Проводить? – Костя растянул губы в неприятной улыбке.

– Сама доберусь, – спокойно ответила Ксения и сделала шаг в сторону с намерением обойти его.

– А чего так? Не нравлюсь? – рука парня легла на ее предплечье и сжала его железной хваткой, притягивая девушку к себе.

– А должен? – все так же спокойно спросила Ксения, медленно переведя взгляд с парня на свою руку. – Костя, отпусти.

Казалось, тот не ожидал такого спокойного отпора от девушки и на секунду ослабил хватку. Воспользовавшись этим, Ксения высвободилась и быстрым шагом направилась в противоположную сторону – ей совсем не хотелось, чтобы этот придурок узнал, где она живет.

– Отлично, вот только этого мне не хватало! – с досадой подумала девушка, чувствуя охватившую ее нервную дрожь. Хотя внешне она и держалась спокойно, внутри все-таки испугалась. Сделав круг, Ксения направилась к подъезду. Когда ей осталось пройти немногим больше десяти метров, она замерла от неожиданности и страха: у подъезда в компании двух

таких же наглых дружков из параллельного класса стоял Ковылев. Или кто-то из них жил в этом же самом подъезде, что и она, или же они специально дожидались ее. Только вот зачем? В любом случае проходить мимо них ей не хотелось. Девушка повернула в сторону парка...

Глава 4

Рабочий день в ОМВД «Хорошево» подходил к концу, что было хорошо заметно по постепенно пустеющим коридорам отдела, часто хлопающей входной двери да раскатистому хохоту мужиков, предвкушающих приятный вечер за кружкой пива.

Начальник отдела Воронов, отдав последние инструкции дежурным сотрудникам, расписавшись в журнале учета рабочего времени и сдав ключ, вышел на крыльцо и с удовольствием потянулся. Домой, скорее домой. К сыну, к жене, к семейному очагу. Через несколько недель начнутся майские праздники, усиление, будет сложно выделять время на семью, поэтому сейчас он пользовался каждой свободной минутой, чтобы побыть с домашними подольше.

Недалеко от входа стояли опера Влада, травя анекдоты и выпуская в воздух клубы сигаретного дыма, только его самого нигде не было видно. Саша подумал, что он, оказывается, его сегодня и не видел вовсе. Он, вообще, на работе? Вроде никаких выездов не планировалось, и дежурный ничего не сказал про его зама.

– Мужики, где начальника-то своего потеряли? – пошутил Воронов, спускаясь по лестнице к подчиненным. – Что-то не видать его совсем.

– Так, он вроде в кабинете сидит, – затянулся сигаретой Димон. – Мы его в кабак звали, отказался. Говорит, бумаг много.

– Ну а так, как дела? Нормально все?

– Все путем...

Немного подумав, Саша решил вернуться в отдел и хоть на пять минут, но перекинуться с Владом парой слов.

Демидов сидел в кресле, запрокинув голову на изголовье и уставившись в потолок. Он даже не повернулся в сторону вошедшего, лишь поднес ко рту зажженную сигарету, совершенно не замечая, что пепел сыпется ему на одежду. На столе стояла откупоренная бутылка коньяка и наполовину пустой стакан.

– Влад, у тебя все нормально? – осторожно прикрыв дверь, Воронов медленно подошел к столу. – Какие-то проблемы?

– Не-а, – мотнул головой опер, с трудом выпрямляясь в кресле.

– А что пьешь тогда? В рабочее время?

– Рабочий день уже пять минут как закончился, – взглянув на часы на запястье, усмехнулся Демидов.

– Влад, что происходит? – Саша подошел вплотную к креслу и присел на краешек стола. – По делам что-то не так? Или дома?

– Выпьешь? – взялся за бутылку Демидов, намереваясь налить Саше в стакан.

– Не стоит, – покачал головой Воронов. – Так что происходит-то? Помощь нужна?

Влад помолчал какое-то время, рассматривая этикетку на темном стекле, а потом пожал плечами.

– Да ничего не происходит. Все как обычно.

– А что грузишься тогда? Лена как?

– Лена нормально, – Влад говорил, чуть растягивая слова, что было ему не свойственно. Саша задумался: не похоже, что Демидов пьян, но и на трезвого он тоже мало походил.

– Ты под кайфом, что ли?

– Ты, что, дурак?! – наконец посмотрел на него опер. – Под каким кайфом?! Устал, выпил немного...

Саша молча наблюдал за тем, как Влад закрывает бутылку, прячет ее в шкафчик и раскладывает на столе бумаги. Станный он какой-то. Присмотреться бы к нему надо.

– А девчонка эта как? Сестра сводная. Нормально?

– Нормально, – сквозь зубы процедил Демидов, рывком вставая с кресла и вновь не глядя на друга. – Что с ней будет?

Воронов лишь покачал головой в ответ. Влад вытащил куртку из шкафа, проверил портмоне и ключи и взялся за ручку двери: – Ну, что? Домой?

– Домой, – вздохнул Саша, отлепившись от стола. Надо бы Юльку попросить разузнать, что там творится в семье Демидовых.

Говорят, лучше быть хорошими друзьями, чем плохими супругами. Кто-то с этим мог не согласиться, кто-то – поспорить, но Лена считала именно так. За последнюю неделю, какие-то пять-семь дней, Влад открылся ей с совершенно другой, неожиданно-неприятной, стороны. Вспыльчивость, упертость, нежелание идти на компромисс, всего этого она в нем раньше не замечала.

Невольно закрались тревожные мысли: а тот ли он, каким всегда казался? Имеет ли смысл строить семью и воспитывать ребенка с таким человеком? Но в тоже время не верилось, что появление Ксении могло так разительно его изменить. Наверное, в нем это было всегда, просто данная ситуация выступила лакмусовой бумажкой, вытянув на поверхность глубоко запрятанные качества. Может, стоит поблагодарить судьбу за Ксению?

Не хотелось даже делиться с ним радостной новостью – вечером у него как всегда будет скверное настроение. И ведь не говорит, что его так бесит, просто молчит угрюмо, а на любые замечания грубо огрызается. Утром уходит рано, вечером возвращается поздно, с Ксюшей вообще практически не разговаривает – лишь односложные фразы в приказном тоне, как с преступницей. А та молчит, лишь иногда румянец заливает лицо, да глаза вспыхивают возмущенным блеском. Порой Лена думала, что она бы такое терпеть не стала, высказала бы ему все в лицо и ушла.

Один раз Ксения действительно ушла, только Влад быстро привел ее обратно. Она не знала всех обстоятельств, но была уверена, что у той просто не было выбора. Уж что-что, а запугать девчонку-подростка взрослому мужику, оперу, не составит никакого труда.

Во входной двери провернулся замок, на тумбочку в прихожей с громким стуком опустились ключи. Лена вышла навстречу мужу, в душе чувствуя тревогу – судя по тому шуму, с каким он пришел, как порывисто и резко снимал куртку, он снова был не в духе. А довольно сильный запах алкоголя говорил о том, что он уже успел наведаться в бар.

Влад молча направился в ванную комнату, помыл руки, также молча прошел на кухню, налил себе из графина воды. Лена замерла на пороге, наблюдая за тем, как мужчина заглянул в стоящую на плите кастрюлю, открыл холодильник, вытащил оттуда тарелку с салатом, загремел ложками.

– Пожрать есть что дома? Нормальное? – недовольно спросил он.

– В холодильнике суп. Вчерашний. Ксения готовила. Разогрей, – таким же недовольным тоном бросила она и, развернувшись, ушла в спальню. Объяснять ему, что она долго просидела в очереди ко врачу в женской консультации, не хотелось. Стало до слез обидно, что ей приходится подстраиваться под его настроение. А все потому, что у него появилась сводная, нелюбимая, не нужная ему сестра. У него, не у нее!

– Лен, – Влад пришел за ней следом и остановился в дверях. – Слушай, не обижайся. Я не хотел, – начал было он примирительно, но осекся: – А где она? – тон уже был другой. – Ночь на дворе.

– Кто? – преувеличенно удивилась девушка, поднимаясь с кровати и останавливаясь напротив него. – Ну, кто? Ксения? Сестра твоя?

– Она мне не сестра, – грубо отрезал он.

– А что она тогда делает у нас дома? – продолжала наигранно удивляться Лена. Она знала, что будет скандал, но не могла остановиться. Пусть он сам поймет, что раз привел ее, то именно он и должен относиться к ней соответственно. – И почему ты с меня спрашиваешь, где она?!

Ксения поежилась от ночной прохлады, чувствуя, как промозглый ветерок проникает под легкую ветровку, обнимает под школьной юбкой бедра. Она несколько часов просидела на скамейке в парке через дорогу от дома, успев за это время поговорить с подружкой по телефону и всплакнуть над своей нелегкой судьбой. Когда от голода засосало под ложечкой, она вытащила кошелек, пересчитала деньги, оставшиеся от той суммы, которую ей дал отец на карманные расходы за день до приступа, и, сходяв к ларьку неподалеку, купила себе хот-дог и чай.

Когда окончательно стемнело, и свет фонарей вступил в схватку с густой тьмой, заставляя ту отступить к кронам деревьев, она наконец заставила себя подняться и отправиться домой, молясь, чтобы у подъезда никого не было, а еще лучше, чтобы и дома была только Лена. Если опер уже пришел, то ей не избежать выволочки.

К ее облегчению, у подъезда было пусто, но машина Влада уже стояла на привычном месте. Девушка тяжело вздохнула. Она постарается тихо, как мышка, проскользнуть в свою комнату и не выйдет оттуда до утра. Лучше опера не злить.

Осторожно, стараясь не шуметь, Ксения открыла дверь своим ключом и крадучись вошла в квартиру. Быстрее в туалет, ванную и к себе, не привлекая лишнего внимания. Но громкое восклицание Демидова заставило ее замереть на месте.

– Она мне не сестра! Она мне никто! Она мне нахрен не нужна!

По остановившемуся за его спиной взгляду Лены Влад понял, что они уже не одни в квартире. Развернувшись, он сразу же заметил, как покрылось красными пятнами лицо Ксении. Внутри что-то дернулось, но, как известно, лучшая защита – это нападение, поэтому он не дал себе ни секунды подумать и грозно крикнул:

– Ты где шлялась?!

У девчонки задрожали губы, глаза подозрительно заблестели. Схватив с вешалки куртку и торопливо обувшись, она выскочила из квартиры. Лишь дверь глухо стукнулась о стену подъезда.

Оттолкнув его в сторону, Лена бросилась к порогу: – Ксюша! Ксюш! – но ответом ей был лишь частый перестук каблучков по бетонной лестнице.

Ксения выбежала из подъезда и с размаху обняла толстый ствол тополя, раскинувшегося над детской площадкой. Одинокий фонарь над подъездом не мог дотянуться до него своим светом, чему девушка была несказанно рада. Сил бежать в другое темное место не было. Она прислонилась щекой к шершавой теплой поверхности и дала волю слезам. То, что она так долго носила в себе, вырывалось судорожными всхлипами из груди, привлекая внимание спешащих домой жильцов соседних подъездов.

Неожиданно дверь в подъезд распахнулась, сопровождаемая противным пиканьем домофона, и в круг света ворвалась фигурка Лены. Ксения двумя руками зажала рот, чтобы та не услышала ее рыданий, и отступила еще дальше вглубь площадки. Но видимо, что-то заметив или почувствовав, Лена развернулась в ее сторону и осторожно позвала ее по имени.

Не медля больше ни секунды, Ксения кинулась прочь со двора, лишь светлая блузка мелькнула росчерком молнии в темноте. Девушка бежала, не разбирая дороги и не слыша того, что ей кричала вслед Лена. В голове билась только одна мысль – убежать, исчезнуть, раствориться в ночи, догнать прошлую жизнь, в которой было тепло и радостно.

Пронзительный визг тормозов и жуткий стук где-то позади заставил ее остановиться. Уши словно заложило ватой, через которую постепенно стали проступать звуки окружающего мира. Испуганный тихий шепот припозднившихся прохожих, хлесткий стук захлопнувшейся дверцы автомобиля и страшное «Да она сама выскочила на дорогу!» ударили по нервам. Боясь

картины, которая должна была открыться ее глазам, Ксения через силу повернулась и на негнущихся ногах направилась в сторону кучки людей, столпившихся вокруг чего-то у обочины дороги.

Люди перед ней расступились и, онемев от ужаса, прижимая руки к лицу, она опустилась на колени прямо на холодный асфальт. Взгляд метался по раскинувшемуся нелепо телу, по вывернутой неестественно шее и зацепился за полуприкрытые, пока еще блестящие глаза.

– Мамоchка... мамочка... – шептала Ксения, то протягивая руки к Лене, то отдергивая их назад.

Люди вокруг тихо перешептывались, как будто боясь побеспокоить их безмолвный разговор.

– В скорую звоните...

– Позвонили уже...

– Неужто и вправду мать ее?

– Молодая она для матери-то... Сестра, наверное...

Водитель, сбивший Лену, сидел поотдал на корточках, обхватив голову руками, раскачиваясь и беспрестанно повторяя в отчаянии:

– Твою мать... Твою мать...

Но Ксения ничего этого не слышала. Сквозь застывшие глаза слезы она как замороженная смотрела на струйку крови, натекающую из-под головы Лены и капающую густыми тягучими каплями с бордюра, и еле слышно шептала:

– Лена... Леночка...

Где-то вдалеке раздавался вой сирен, он нарастал, приближался, оглушал. Захлопали дверцы остановившихся машин, рядом зазвучали мужские голоса. Девушка почувствовала, что ее тянут за локоть, помогая подняться на ноги. С другой стороны к Лене подошел мужчина в костюме врача скорой помощи и склонился над ней, закрывая ее от Ксюши.

– Девушка, как вы себя чувствуете? – она повернула голову на мягкий участливый голос и с трудом сфокусировала взгляд на говорившем.

– Он меня убьет! – едва пролепетала она, с ужасом осознавая, что из-за нее может случиться непоправимое. – Убьет...

– Вам кто-то угрожает? – серьезно спросил парень в форме полицейского. – Вы от кого-то убегали? Вместе с этой девушкой?

Она снова посмотрела на Лену, но ее уже с головой закрыли целлофановой пленкой. Из кареты скорой помощи фельдшер вытаскивал носилки, врач, присев на железное ограждение у дороги, заполнял бланки.

– А... но... как же, – она растерянно посмотрела на полицейского, до сих пор сжимающего ее локоть. – А... Лена?

– Мне очень жаль, – тихо произнес он и, видя, что ее лицо судорожно исказилось, и слезы ручьем хлынули из глаз, махнул рукой медбрата, подзывая к себе: – Успокоительного бы девушке. Ей еще показания давать.

– Ну, что, в отдел ее? – подошел к ее полицейскому напарник, до этого разговаривавший с бедолагой-водителем. – Вместе с водилой.

Следователь поставил перед ней кружку с чаем, отодвинул подальше настольную лампу, чтобы свет не бил ей в глаза, сел напротив. Она все еще потихоньку плакала, не веря в случившееся, и с трудом могла отвечать на вопросы. Голова была тяжелая и гудела, тело была нервная дрожь.

– У вас есть номер ее мужа?

– Я... я... не знаю. Не помню...

Она, действительно, не помнила, давал ли Влад ей свой номер телефона или нет. Все прошлое было как в тумане, лишь иногда всплывали в памяти какие-то отрывочные видения, слова.

Следователь вздохнул, взял со стопки бумаг полиэтиленовый прозрачный пакет и вытащил оттуда сотовый телефон.

– Как его зовут?

Ксения непонимающе подняла на него глаза.

– Мужа погибшей как зовут? – повторил вопрос мужчина.

– Влад... Демидов...

– Брат твой, что ли? – кинув взгляд на ее данные, спросил он.

Ксения ничего не ответила, молча опустила голову.

– Влад, здравствуйте. Вас беспокоит следователь ОМВД «Дорогомилово», капитан Васильев...

Выпив залпом стакан водки, непослушными пальцами Влад набрал на сотовом номер друга.

– Сань... Ты где сейчас?

– В магазин еду, – ответил на фоне улицы Воронов. – Юлька список покупок написала на два листа, – и, пораженный его глухим голосом, с подозрением спросил: – А что? Случилось что-то?

– Заедь ко мне... Пожалуйста...

Ксения впервые находилась в отделении полиции. Она с некоторым испугом смотрела на темный коридор с рядом закрытых дверей, убегающих в полутьму. Слабое освещение причудливо играло тенями на стеновых панелях, стоило кому-нибудь пройти вглубь теряющегося за углом прохода. Сейчас в отделе были лишь дежурные следователи, опера, ППС-ники, но, несмотря на поздний час, в самой дежурке было многолюдно и шумно.

В огороженной стальными решетками клетке сидели пара мужиков бомжеватого вида, три подростка, пьяно выкрикивающие какие-то пошлости непонятно кому. Беспреданно звонил телефон, сотрудники обсуждали недавнее происшествие.

В дежурку быстрым шагом вошел высокий короткостриженный мужчина в штатском. Показав что-то дежурному, он оглядел помещение и задержался взглядом на Ксении, которая тут же отвела глаза. Ей было неуютно и страшно здесь, но и куда идти она не представляла. Спокойного и безопасного места для нее теперь нет. В квартиру бабушки ей вернуться никто не позволит, а возвращаться в дом к Демидовым было жутко, так же как и встречаться с Владом. Неизвестно, как он отреагирует на нее, ведь если бы она не убежала из дома, то Лена сейчас была бы жива.

Сбоку от двери послышался неясный шорох, и в проеме выросла мужская фигура. Сначала Ксения подумала, что обозналась, настолько сильным был контраст между тем, каким она привыкла видеть Влада, и тем, что она увидела сейчас. Враз постаревший, с темными кругами под глазами он уставился на нее таким убийственным взглядом, что у нее все похолодело внутри.

Нетвердо ступая и не сводя с нее глаз, он направился к ней. Девушка вся подобралась и вжалась в спинку сиденья. Демидов бы, наверное, прибил ее на месте, если бы не мужчина, вошедший ранее. Он кинулся к ним и, вцепившись в рукав куртки Влада, буквально оттащил того от нее.

– Ты зачем пришел? Я же сказал тебе в машине ждать, – ее спаситель усадил опера в кресло через одно от нее и строго наказал: – Сиди здесь, я сейчас все выясню. И держи себя в руках, Влад.

Демидов медленно опустился на кресло, провел ладонями по лицу, горестно выдохнул и, обхватив голову руками, уставился в пол.

– Ты Ксения? – обратился к ней тот, с кем пришел Влад.

Девушка лишь слабо кивнула.

– Я Саша, друг Влада. Ждите меня здесь, – и, окинув их оценивающим взглядом, направился в сторону кабинета следователя.

Последующие полчаса Ксения с Владом так и просидели рядом в коридоре дежурки, не глядя друг на друга. Опер вообще ни разу не пошевелился, так и сидел неподвижно все это время, пока в коридоре не появился Саша.

– Пойдемте, – бросил он на ходу. Осторожно взяв Ксению под локоть, помог ей подняться, затем обернулся к другу. – Влад...

На улице моросил дождь. Каждый шаг давался ей с огромным трудом, и, казалось, что прошла целая вечность прежде, чем они дошли до машины друга Влада. Саша усадил ее на заднее сидение и захлопнул дверь, после чего сел за руль. Демидов тяжело ввалился в салон, устроившись на пассажирском сидении рядом с водителем.

– Поживи несколько дней в квартире моих родителей, – повернулся к нему Саша и, открыв бардачок, достал оттуда связку ключей и протянул Владу. – Я обо всем позабочусь.

Глава 5

То, что Демидовых нужно было держать подальше друг от друга, Воронов понял сразу, как только узнал все обстоятельства трагедии. Потому и планировал устроить друга на квартире родителей, а девушку отвезти домой, но Влад с пьяной убежденностью повторял, что поедет к себе, и Саше пришлось задуматься о ночлеге для Ксении. На его предложение переночевать у него, она вежливо отказалась, ей не хотелось стеснять еще и его семью. Возвращаться в квартиру Демидовых было почему-то жутко, поэтому она решила потихоньку попросить Сашу отвезти ее на квартиру бабушки, ведь говорят, дома и стены помогают.

Владу, по-видимому, было вообще наплевать на то, где она проведет эту ночь. Он ни разу не оглянулся на нее, пока они ехали до дома. Не посмотрел и тогда, когда машина притормозила у подъезда, вышел, молча хлопнув дверью. Ксении пришлось прождать появления Воронова еще около четверти часа, пока он провожал опера в квартиру. Зябко поеживаясь и робко посматривая по сторонам, она прислушивалась к ровному гулу работающего двигателя, не до конца веря в то, что Лены теперь нет. Третьи похороны за столь короткое время...

Девушка пошарила в сумке рукой в поисках ключей от бабушкиного жилья, которые в суматохе завалились за подкладку. Ей пришлось вытрясти на сиденье практически все мелочи из сумки, чтобы добраться до них. Аккуратно сложив все обратно, она зажала в руке телефон, мысленно решая, звонить или нет подруге в такой поздний час. Шутка ли, почти полночь.

Поколебавшись несколько секунд, она все же решилась на звонок. Маринка не была любительницей ложиться пораньше, предпочитая коротать вечерние часы если не на улице в дворовой компании, то в постели со своим парнем, благо родители у нее часто уезжали по командировкам. Вот и сегодня днем она вскользь упомянула, что они снова куда-то укатили.

– Ксюха! – бодрый голос на другом конце провода свидетельствовал о том, что у его хозяйки сна не было ни в одном глазу.

– Можно я у тебя поживу пару дней? – перспектива провести ночь наедине со своими мыслями пугала Ксению.

– Конечно! Родаки укатили на выходные, гульнем! – радостно воскликнула Маринка, но потом спросила с подозрением: – А братец-то твой не притащится? Мне проблемы с ментами не нужны.

– Не притащится, – устало ответила Ксения. – Ему сейчас не до меня. Маринка, я такое натворила, – она судорожно выдохнула. – Из-за меня человек погиб...

Дверь со стороны водительского сидения неожиданно распахнулась, и девушка нажала на сброс, резко обрывая разговор.

– Ну, что? Как ты? – повернулся к ней Саша. – Точно не поедешь ко мне?

Ксения покачала головой, боясь, что он передумает и решит настоять на своем. Влад бы даже не спрашивал, куда она хочет, отвез бы без разговоров и все.

– Ну, смотри, – согласно кивнул мужчина, берясь за руль. – А в школу как будешь добираться? Может, все-таки, лучше домой тогда?

– Нет. Доберусь. Я дорогу знаю.

Машина плавно тронулась с места. Саша периодически бросал взгляд в зеркало заднего вида, наблюдая за нечаянной родственницей своего опера. Девушка сидела неподвижно, откинув голову на спинку сидения и глядя за окно. Без тени косметики на лице, со спадающими на плечи длинными волосами она одновременно казалась и ребенком, и красивой девушкой. Она сильно отличалась от своих размалеванных сверстниц, которых он привык видеть на улице, среди юных соседок или временных посетительниц «обезьянника» в его отделе. Маленькая и беззащитная, оставшаяся одна в этом огромном жестоком мире.

В душе шевельнулась жалость – судя по тому, что он знал, ее судьба не волновала никого, и помочь ей было некому. Теоретически самый близкий для нее человек, официальный опекун, с ее появлением изменился настолько, что даже родные люди его не узнавали. Саша помнил, сколько горечи звучало в голосе Юли, когда она делилась с ним нерадостными событиями из семейной жизни подружки. На работе-то Влад вел себя как обычно, только хорошо знающий начальника оперов человек мог понять, что его что-то гнетет.

Внимательно вглядываясь в суету ночных московских дорог, Воронов до боли вцепился пальцами в оплетку руля – ему еще предстоял тяжелый разговор с женой. Когда-то он пообещал себе, что больше никогда не станет причиной ее слез, но сегодня это было неизбежно. Он понимал, что узнав о трагической смерти близкой подружки, Юлька будет плакать, а в ее положении это крайне нежелательно. Саша легко мог выносить женские слезы, как-никак профессия обязывала, но только не ее, только не Юлькины.

Еще раз кинув быстрый взгляд в зеркало на Ксению, он завернул в нужный двор. Высадив ее у подъезда подружки, Воронов сунул ей в руки несколько купюр, заставил записать свой номер в память телефона и попросил позвонить ему. Когда ее имя и фамилия были вбиты в его смартфон, он проводил ее до двери Маринкиной квартиры и, убедившись, что она уже более-менее пришла в себя, ушел в ночь.

– А теперь ты, что, с ним в одной квартире будешь жить? – озадачила Ксению подруга после того, как первые ахи-вздохи утихли. – А он приставать к тебе не будет?

– В смысле?

– Ну... в смысле... в прямом смысле, – у Маринки аж глаза заблестели от волнения. – Что ты как маленькая, прям! Как будто не знаешь, что опекуны-мужики часто пристают к своим «детям».

– Он же полицейский, – попыталась осадить ее Ксения.

– Ну и что? Не мужик, что ли! Наоборот, на такого потом никуда не пожалуешься, – и, видя, что она всерьез задумалась над ее словами, подруга попыталась сменить тему: – Да ладно, шучу я...

Последующие дни, все как один, были серыми, холодными, мрачными, под стать настроению. Ветер вырывался из-за каждого угла, дождь моросил прямо в лицо, стебая по щекам крошечными колкими каплями, словно маленькими льдинками, под небом, затянутым тяжелыми свинцовыми облаками. Безликая московская весна, безучастная, равнодушная к его горю и убийственно-горьким мыслям.

Смерть. Насколько привычным стало для него это слово. Он сам не заметил, в какой момент слово «смерть» перестало его пугать, удивлять или даже просто расстраивать, а потом стало вызывать в душе лишь злость. Чаще всего, безразличную злость на то, что кто-то так не вовремя скончался за час до окончания смены или во время его ночного дежурства, когда, вместо того, чтобы расслабиться в тепле кабинета приходилось тащиться куда-то на вызов. А там такие же, как и он сам, усталые от этих трупов, вызовов, холода и вечного недосыпания эксперты-криминалисты и дежурные следователи, лишь понимающе кивающие на ворчливое «Черт, ну не мог этот собачник сегодня пойти гулять со своей шавкой в другое место?». И вроде уже стало привычным, что каждый день непременно кто-то будет лежать перед ним в черном полиэтилене, и он будет смотреть на тело без каких-либо эмоций, холодно и скептически оценивая вероятные варианты происшествия.

И самому нажимать на курок давно уже было не страшно. Это в первый раз казалось, что сложно сделать выстрел в человека. В тот момент щелчок предохранителя прозвучал оглушающее, и сталь в дрожащих пальцах неимоверно тяжелела, но стоило ему лишь пересилить себя и свой страх, как дальше палец уже сам жал и жал на спусковой крючок, а люди в прицеле стали для него просто мишенями.

После таких «снайперских» ночей, когда смерть уходила довольная и сытая, он не спешил домой. Отхлебывая обжигающий кофе из бумажного стаканчика с названием ближайшего фастфуда, он сидел в машине, глядя через стекло на спешащих куда-то людей. Отчетливо и пронзительно возникала мысль, что у каждого человека за стеклом был свой мир, своя жизнь, свои интересы, родные люди, любимые. Человек не может быть один, каждому просто необходимо ощущать свою нужность кому-то. Каждому, но не ему... У него внутри росла пустота, черная, беспросветная, физически ощущаемая. Его собственная жизнь в какой-то момент стала ненужной даже ему самому. И, возможно, было бы лучше погибнуть тогда, на складе, в перестрелке с Мельниковскими, чтобы никогда не узнать ощущения этой бездонной пустоты и острого чувства сожаления.

– Это система, Влад, и нам ее не сломать, – голос Воронова до сих пор стоял в ушах. – Но и нас ей не одолеть. Раз случилось так, что мы там, где мы есть, нужно принимать правила игры. Будешь играть не по правилам, тебя «удалят с поля».

Наверное, он заигрался, перестал отличать «черное» от «белого», потерял точку опоры внутри себя. И окружающий мир, словно проекция на мир внутренний, стал терять привычные очертания, принимая уродливые зеркальные формы. Теперь смерть взялась и за его близких, причем подкармливал он эту костлявую и ненасытную старуху своими руками.

Никто не знал, что уже больше года он часто просыпался ночами в холодном поту от еле внятного, но леденящего душу, шепота матери: – Владик, сынок, умираю... помоги, – и словно со стороны слышал свой злой окрик: – Опять набухалась?! Вот когда протрезвеешь, тогда и звони! – А потом еще глуше, еще дальше в ночи звучало: – Инсульт... частичный паралич... если бы помощь была оказана незамедлительно...

При мысли о том, что мать несколько часов умирала в одиночестве на полу в пустой квартире, хотелось выть. Ее бесконечные пьянки, разборки с событульниками, извинения перед соседями переполняли чашу его терпения, постепенно ожесточая сердце. Именно в тот вечер он психанул, решил, что все, хватит с него, пусть разбирается сама, и в итоге потом плакал над темным земляным холмиком, ярким пятном выделяющимся на белом снегу.

Издержки профессии? Профессиональная деформация личности? Профессиональное выгорание? Или какое-то другое мудреное название, придуманное психологами, для обозначения его состояния? На работе при общении с самыми разными представителями криминального и полукриминального мира, он вынужден был соблюдать их права и действовать корректно, а вот с близкими так уже не получалось.

Смерть матери заставила его лишний раз убедиться в своих сомнениях в том, что он живет по совести и чести, доказав, что границы «дозволенного», «правильного», «нормального» пройдены. Смерть давно ставшего чужим отца выбила почву из-под ног, перевернула привычную жизнь с ног на голову. Смерть Лены, как бы дико это ни звучало, встряхнув, заставила взглянуть на свои поступки и поведение за последние время словно со стороны. Глядя на ее фотографию в траурной рамке, свежесасыпанную могилу в обрамлении цветов, он искренне просил прощения, обещал ей исправиться и найти выход из заколдованной пустоты к самому себе.

Лены не стало, но жизнь продолжалась. В квартире все осталось на своих местах, как и в тот трагический вечер, за окном жил все тот же безразличный мир. По-прежнему нескончаемый поток машин, пешеходов, спешащих по неотложным делам, «терпилы», чьи дела нужно было срочно раскрывать, не портя статистику отдела, преступники, которым нельзя было давать спуску, и много чего еще... например, Ксения. В его мире была Ксения, за которую он теперь нес ответственность.

– Ты бы помягче с ней, Влад, – увещевал его Воронов перед тем, как привезти девушку домой. – На ее глазах все случилось. Молодая совсем, напуганная... Думаю, она и себя винит в случившемся. Лена ведь за ней побежала?

Он лишь кивнул, занятый своими скорбными мыслями. Несчастный случай... Никто не виноват... Ни Ксения, ни водила, ни он... Это жизнь...

Он уже видел записи с камер видеонаблюдения, установленных у подъезда, и смог убедиться в том, что это был несчастный случай. Лена сама выбежала на дорогу, буквально брошившись под колеса въезжающему во двор автомобилю. Водитель не виноват...

И Ксения не виновата...

И он не виноват... Или виноват? Ослепленный подростковыми обидами и ненавистью к отцу и его «дочери», которую тот любил, о которой заботился, Влад не замечал ничего вокруг. Это он должен был пойти за Ксенией, а, вернее, он не должен был допускать того, чтобы она слышала те слова. Вообще не должен был так о ней говорить!

Рабочий день давно закончился, только Демидов продолжал сидеть в кресле и усиленно делать вид, что его интересуют записи по одному делу в производстве. Игнорируя вопросительные взгляды коллег, привыкших к тому, что обычно начальник оперов старался не задерживаться на работе дольше необходимого, он ждал, когда они наконец разойдутся. Ему же идти домой совсем не хотелось. Глупо и смешно! Он оттягивал время, чтобы попозже вернуться в собственный дом, и совершенно не мог объяснить самому себе, что конкретно его смущало в присутствии Ксении в доме. Само осознание того, что в комнате за закрытой дверью находилась она, приводило его в замешательство, пробуждая неловкость и злость на себя, и на нее. Брат, опекун, родственник... Черт!

Мужики уже давно разошлись, в интернете не было ничего интересного, припасенная бутылка пива подошла к концу. Он же не собирался здесь сидеть до завтрашнего утра? Выйдя на улицу, Демидов достал из полупустой пачки сигарету, закурил, как-то отдаленно думая, что в последнее время стал слишком много курить.

После кабинетной духоты лицо приятно обдувал теплый весенний ветерок. В машине на полную громкость он врубил любимую музыку, стараясь ни о чем не думать и просто жить настоящим моментом. Небольшая вечерняя пробка, оттягивающая приезд домой на лишние полчаса, не портила настроения, а, наоборот, предоставляла возможность немного поразмыслить. Он смотрел на людей в соседних машинах, на то, как они звонят кому-то по мобильникам, жестикулируя руками, скорее всего, объясняя, что застряли в дурацкой пробке и как мечтают скорее вырваться из нее, чтобы встретиться со своими близкими. Все куда-то спешили, к кому-то... Снова обожгла мысль, что ему спешить некуда и его никто не ждал.

Уже на подъезде к своей улице, услышав трель мобильного, опер взглянул на дисплей и съехал на обочину. Звонил Воронов. Как так получилось, что он стал единственным, по-настоящему близким ему человеком и тем, к кому он всегда мог обратиться? Когда-то у них был конфликт, а сейчас он знал, и это не пустые слова, – он всегда был готов прийти на помощь Воронову, если тому таковая понадобится, и был уверен на сто процентов, что и Саша никогда не откажет в помощи ему. Настоящие друзья... Неудивительно, что радостной новостью Саша спешил поделиться с ним.

– Вот только приехали, – голос на том конце провода усталый, но довольный. – УЗИ сделали, сказали, девочка. Дочь у меня, представляешь? Сын и дочь.

– Поздравляю, Сань, – он постарался, чтобы его голос не звучал совсем уж глухо, и не удержался: – А Юля как?

– До сих пор не верит, – помолчав, вздохнул Саша. – Все простить мне не может, что я на похороны ее не пустил.

Одна. Она была совсем одна. В пустой, темной и чужой квартире. В чужой жизни. Тишина давила, но при этом каждый звук казался оглушительно громким. Вдалеке раздался едва слышный гул лифта, хлопок чьей-то входной двери, а в квартире было по-прежнему тихо.

Ксения не знала, во сколько он придет с работы, как, впрочем, и не знала толком, что у него за работа.

Она свалилась ему как снег на голову, и уже принесла кучу несчастий. У него была своя жизнь, о которой она совсем ничего не знала. Девушка чувствовала, что он никогда не позволит ей войти в свою жизнь, и она не имела никакого права о чем-то просить или чего-то требовать. Глупо было надеяться на то, что они смогут стать родными людьми.

В последние дни ей часто снилась мама, ее ласковые нежные руки. Только теперь она смотрела на дочь так, словно за что-то осуждала. Ксения задумалась. Может, она в чем-то ошиблась? Только вот в чем? Она ведь просто подчинялась судьбе, просто шла вперед, и особого выбора у нее не было. Ей нужно было лишь переждать два года, не обостряя отношений с опекуном, и она радовалась негласному перемирию, воцарившемуся в их «семье».

Как оказалось, перемирие было недолгим, и причиной нового витка войны был Ковылев. На все пары он пересел на последнюю парту позади Ксении и развлекался тем, что доводил девушку – то, приподнявшись над партой, нашептывал непристойности, то тянул за длинные волосы, то проводил линейкой по спине и плечам. Поначалу она пыталась хоть во время перемен скрываться от него в школьных коридорах, но скоро поняла, что это бесполезно и даже еще хуже. Костя знал здание школы лучше нее, и там было много пустынных закутков, поэтому даже перемены она предпочитала проводить в классе, там хоть всегда кто-то был рядом.

– Слушай, Ковылев, ты достал уже! – в сердцах повернулась к неугомонному воздыхателю ее соседка по парте, Алена. – Отстань уже от человека! Докопаться больше не до кого?!

– А ты, че, Клеменцова, самая смелая? – Ковылев уставился на нее наглым взглядом.

– Да, смелая! – огрызнулась девушка, устав от его хамства и похабщины.

– Сиськи покажи тогда!

Его дружки, стоящие вокруг парты, заржали в голос.

– Придурок! – возмущенно выдохнула Алена и, потянув Ксению за руку, вытащила ее из-за парты: – Пойдем отсюда.

Схватив учебные принадлежности и сумки, девушки покинули класс под гогот пацанов.

– Эй, вам математичка кол влечет за прогул!

– Куда вы, только общаться начали нормально?

Новые подружки направились в излюбленное место Ксении в парке напротив дома.

– Этот Ковылев debil еще тот. Всегда ведет себя по-скотски. Ты бы поговорила с кем-нибудь из взрослых, – советовала ей Алена, пока они лакомились мороженым, сидя на лавочке, – чтобы ему мозги прочистили. У тебя брата нет старшего?

Ксения лишь отрицательно покачала головой.

– Они ко всем новеньким так пристают. За два года уже три девочки забрали документы и ушли из школы.

– Спасибо тебе за поддержку, – чуть коснувшись руки Алены, поблагодарила ее Ксения с чувством.

– Да не за что, – улыбнулась та. – Только тебе бы все равно какого-нибудь защитника найти. А то не отстанут ведь...

Легко сказать «найти защитника», только выполнить трудно. Влада она сама просить не будет, друзей из старого района приплетать тоже было ни к чему, а больше и некого. Если только...

Вытащив телефон, девушка начала искать знакомый номер в контактах, надеясь, что этот человек ей не откажет. Если что, она хотя бы спросит, как можно припугнуть приставалу, и еще попросит, чтобы он ничего не рассказывал Владу.

– Алло, Саша, здравствуйте, – робея, проговорила она в трубку, – это Ксения... Демидова...

Глава 6

– Да, Ксения, внимательно слушаю. Что-то случилось? – в голосе мужчины было столько неподдельного участия, что она поначалу подумала, что он ее с кем-то перепутал.

– Это Ксения... сестра... Влада...

– Я узнал, Ксюш, – даже на расстоянии она почувствовала, что он улыбнулся в трубку. – Погоди минутку, – теперь его голос зазвучал в отдалении, поясняя кому-то, как правильно заполнить документы. Ей стало неловко, что она отвлекает занятого человека своими несерьезными проблемами. Подумаешь, новенькую в классе задирают – так было и будет всегда, не она первая, не она последняя, никто еще от этого не умирал. – Я слушаю, – приятный голос мягко выдернул ее из грустных мыслей.

– Я... я хотела спросить, – поражаясь своей наглости и кляня себя за неумение врать, Ксения едва подбирала слова: – Вы не могли бы... показать мне, где похоронили Лену... Я... на похоронах не была... Хотела... попрощаться, – окончательно смутившись, девушка замолчала.

Если Воронов и удивился, то быстро совладал с собой – заминка была почти незаметной.

– Да, конечно. Ты когда хочешь съездить?

– Когда вам будет удобно, – выпалила Ксения, чувствуя, что щеки запылали. Она не собиралась к Лене, просто это первое, что пришло ей на ум. Стало мучительно стыдно. – Только Владу не говорите... Пожалуйста...

– Хорошо. Я тебе заранее позвоню, – Воронов положил трубку.

В душе она надеялась, что он забудет о данном обещании, или же работа не оставит ему свободного времени, но ошиблась. Уже на следующий день, забрав ее у школы, Саша вез ее по направлению к Хованскому кладбищу.

Купив у ворот букетик цветов, с гулко-бьющимся сердцем Ксения медленно шагала рядом с мужчиной. В этом тихом, безмолвном царстве усопших, она поняла, насколько мелочны все ее терзания, насколько быстротечна жизнь. Незаметно Саша остался чуть позади, за что девушка была ему благодарна. К глазам вновь подступили слезы, вспомнился вечер трагедии, сердце сжалось от чувства вины.

– Прости, – еле слышно прошептала она, ощутив на щеках дорожки слез. Они прожили вместе немногим больше недели, но Ксении казалось, что она потеряла близкого и родного человека. Появилась уверенность, что они могли бы подружиться, которая тут же растаяла под тяжелым гнетом сожаления и душевной боли.

Хотелось остаться тут насовсем, забыв о жестоком и безжалостном мире за спиной, замереть в мнимом ощущении спокойствия, растянув это мучительное удовольствие, но нельзя. Мертвым – покой, живым – живое... С трудом оторвав руку от холодного металла оградки, Ксения еще раз мысленно попросила прощения у той, кому не суждено было стать ей сестрой.

Саша стоял неподалеку, лишь изредка поглядывая на часы, но не решаясь беспокоить девушку. За то время пока она, погруженная глубоко в себя, стояла у могилы, он внимательно за ней наблюдал. Ее руки поначалу нервно сжимали цветы, губы что-то беззвучно шептали, но потом она успокоилась и замерла неподвижно, не отводя глаз от изображения Лены. Русые волосы девушки были собраны в хвост, открывая его взгляду небольшие золотые сережки в маленьких аккуратных ушках. Похожие серьги он когда-то дарил Вике на ее шестнадцатилетие. На миг показалось, что перед ним снова Вика, его любимая, родная сестренка.

Сделанное открытие было неожиданным, заставляя его по дороге домой снова и снова смотреть на Ксению в зеркало заднего вида. Хорошо, что она не села на пассажирское сиденье рядом с ним, иначе он не смог бы незаметно рассматривать ее, находя все больше и больше схожих черт с Викой. Такой же открытый, высокий лоб, чуть вздернутый нос, выразительные серые глаза. Захотелось сделать что-нибудь особенное, подарить ей хоть секунду радости,

чтобы стереть из глаз налет грусти. Совершенно забыв о том, что время поджигает, и его ждут в ОВД, Саша притормозил у небольшого торгового дома. Он сразу же увидел нужный ему отдел, и выбор подарка не отнял у него много времени.

Ксения задумчиво теребила хвост волос, перекинутый на плечо, и терпеливо ждала Воронова. Домой совершенно не тянуло. От постоянного сидения за уроками уже болела голова, торчать безвылазно в своей комнате, чтобы лишний раз не попадаться на глаза Демидову, уже осточертело, но и шататься бесцельно по улицам тоже не выглядело заманчивым. Лучше уж сидеть вот так в машине в ожидании Саши, чем безуспешно подгонять время, надеясь, что так и два года пролетят незаметно. Рядом с этим мужчиной ей почему-то было спокойно и комфортно. Он не смотрел на нее свысока, не хмурил брови, в душе удивляясь, откуда она вообще взялась, и не вызывал чувства собственной никчемности. Сидела бы да сидела рядом с ним, хоть до скончания века.

– Держи, это тебе, – сев за руль, Саша протянул ей большого плюшевого медведя. – На память обо мне, – подмигнул он, улыбаясь.

Ксения медленно взяла мягкую игрушку, от волнения едва выговорив слова благодарности. Даже не сам подарок, а именно внимание, желание сделать ей приятное подкупило ее. Где-то внутри разлилось тепло, к щекам прилила кровь, и стало жарко.

– Если что нужно, обращайся. Не стесняйся, – Воронов продолжал смотреть на нее, не отводя теплого взгляда. – Номер у тебя есть.

И глядя потом вслед отъезжающей машине, Ксения поняла, что пропала. Вот он, парень ее мечты, внимательный, добрый, красивый. Она прижала к груди медведя, который теперь всегда будет ассоциироваться у нее с Сашей, попыталась уловить его запах. Мужественный, приятный, волнующий...

Всю дорогу до квартиры девушка шла, витая в облаках и не замечая ничего вокруг. Ни визжащую во дворе ребятню, ни купающихся в лужах воробьев, ни припаркованную на своем обычном месте машину Влада. Она была вся во власти новых, неизведанных чувств, и, казалось, уже ничто не могло испортить ей настроение.

Открывая входную дверь, Ксения улыбалась сама себе, радуясь, что до вечера она будет совершенно одна и сможет всю предаться девичьим грезам о «принце на белом коне». Но, едва войдя в прихожую, она замерла от неожиданности, улыбка моментально сползла с лица. На кухне спиной к ней, засунув руки в карманы, стоял Влад.

Он не повернулся к ней, ничем не показал, что заметил ее приход. Ксения про себя удивилась, что он делал дома посреди рабочего дня? Обычно он приходил лишь ближе к ночи, когда она была уже в постели, а утром уезжал слишком рано, еще до того, как она вставала. Они практически не пересекались дома, не разговаривали, жили каждый своей жизнью. И сейчас девушка даже не знала, что говорить.

– Привет, – сказала она, чтобы хоть что-то сказать. – Не знала, что ты дома...

– Почему тебя Воронов привез? – все так же, не поворачиваясь, глядя куда-то в окно и как будто не замечая ее слов, сурово спросил мужчина. – Ты где была?

– Я... на кладбище ездила... к Лене...

– Куда?! – он повернулся и уставился на нее тяжелым немигающим взглядом. – А Воронов здесь при чем?

– Я его попросила, – девушка опустила взгляд.

– Ты его что?! Попросила?! – Демидов всем телом подался вперед, и Ксения кожей ощутила волну негатива и злости, исходящую от него. – А ничего, что он мой начальник?

– Начальник? – невольно подняла глаза Ксения и уже тише добавила: – Я думала, он твой друг.

– Может быть... Только он мой друг... не твой, – кратко и холодно отрезал он, но ей послышалось невысказанное: «А ты здесь вообще никто! Не лезь, куда не просят! Не надоедай занятым людям!»

Захлестнула обида, захотелось провалиться сквозь землю и никогда не видеть, не слышать человека, который каждым словом, каждым действием давал ей понять, что она обуза, навязанная ему против воли. Она из последних сил сдерживалась, чтобы не нагубить ему в ответ, или, еще хуже, чтобы не расплакаться перед ним, выказав свою слабость, но то, что произошло дальше, моментально заставило ее забыть весь предыдущий диалог, буквально лишив дара речи.

Вытащив руку из кармана и швырнув что-то по столу, Влад повысил голос:

– Это что?!

Опустив взгляд под ноги, куда это что-то приземлилось, Ксения сразу же узнала тоненькую белую бумажку с двумя красными полосками. Тест.

– Это же... – она хотела было объяснить, но он не дал ей договорить.

– Ты что, беременная?! А не рановато ли трахаться?!

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она смогла оправиться от шока. Да за кого он ее принимает?!

– Что молчишь?! От кого «залетела», спрашиваю?!

Он стоял через стол от нее, у окна, но ей казалось, что его презрительный взгляд пронзает ее насквозь, пригвождая к полу, не давая пошевелиться и сказать хоть слово в свое оправдание.

– Кто этот придурок, которому не терпится сесть?! – наседал на нее опер. – Это он тебе всякую ерунду дарит?! Сначала мишек... потом ребенка! Это, что, подарок за радостную весть?! Или тебе так рот затыкают, чтобы ты никому ничего не рассказывала?!

Только тут девушка поняла, что сжимает в руке медведя, которого ей подарил Саша. В ней вскипела злость.

– Да пошел ты! – грубо кинула она ему в ответ, развернулась и хотела уйти к себе в комнату, но мужчина в два счета пересек расстояние между ними и цепко схватил ее за руку, разворачивая к себе. Она смело смотрела в его глаза, лишь немного поморщилась, когда больно ударилась спиной о кухонную дверь.

– Слышь, ты не борзей, а! – прошипел он ей в лицо.

– Руки убери! – огрызнулась она, совершенно не собираясь сдаваться.

– Поговори мне еще! – он все еще крепко сжимал ее руку выше локтя, хотя она пыталась отодрать его пальцы от себя, но ей это мало удавалось.

– Если не отцепишься от меня, я буду всем рассказывать, что мой опекун ко мне пристаёт! – с издевкой выкрикнула Ксения. – И что я беременна от тебя, братец!

И кто только дернул за язык сказать такое! Лицо Демидова перекошилось. Одной рукой он схватил ее за шею, второй замахнулся для удара, но в последний момент сдержался:

– Только попробуй что-нибудь такое брякнуть!

– Ну, давай ударь меня, псих! – ее лицо пошло красными пятнами. – Я еще и синяки всем показывать буду!

– Дура! – выдохнул он, отпуская ее.

Вот так съездил домой за позабытой с утра копией допроса свидетеля по делу! Хотел сразу же перекусить дома, пошел в ванную помыть руки и в поисках нераспечатанного куска мыла полез в шкафчик. Лучше бы не делал этого!

Теперь все мысли крутились вокруг найденного теста на беременность, затмевая собой все остальные. То, что он мог принадлежать кому-то еще кроме Ксении, у него даже и мысли не возникло. Изначально вариантов немного было. Если бы тест делала Лена, он бы об этом знал. Пройдя вместе с ней через множество напрасных попыток зачать ребенка, он теперь многое

знал обо всех тонкостях женского цикла: что, когда, почему. Так что Демидов даже не сомневался, что хозяйкой теста была Ксения, и это в шестнадцать лет! И что ему теперь с ней делать?

– Ты уверен? – Воронов был шокирован не меньше. – Она не производит впечатления легкомысленной девицы. Ей всего шестнадцать. Какой секс?

Они сидели в кабинете начальника отдела, разбирая сводки за прошедшую ночь.

– Сань, ты себя вспомни в этом возрасте, – хмыкнул Влад. – Или чуть постарше, когда с шестнадцатилетними девчонками зажигали. Вы только невинные беседы ни о чем вели?

– Ну да, тоже верно, – согласился Саша и, помолчав, спросил: – А ты у нее поинтересовался, у нее парень есть? Ты хоть раз видел, чтобы она с кем-то встречалась?

– В доме у Маринки, подружки ее, они сидели вчетвером. Два пацана, две девчонки. Она тогда сбежала, я ее обратно притащил.

– Думаешь, кто-то из них?

– Не факт, – Демидов покачал головой. – Если бы у нее был кто-то один постоянный, я бы заметил, что он ей звонит или она на свидания к нему бежит. Хотя, – в голове промелькнула мысль, что он сам постоянно дома отсутствовал и не знал, как она проводит свое свободное время. Вспомнились слова отца о том, что ей может угрожать опасность. А если они обоснованы? Тогда получается, нужно бога благодарить за то, что с ней пока еще ничего не случилось. Непоправимого не случилось, а уж с ранней беременностью справиться можно.

– Ладно, понаблюдаю пока за ней, может, кто и нарисует. Жених какой, – вздохнул Влад. – Если есть кому... А если нет... Все равно узнаю, кто ей ребенка заделал, голову оторву...

– Ты чего? – Воронов опешил от того, с какой ненавистью Демидов произнес эти слова.

– Знаешь, Сань, мы, когда пацанами были, такое творили, – неожиданно проговорил Демидов, уставившись невидящим взглядом куда-то в одну точку перед собой и невольно снова погружаясь в воспоминания тех событий, которые хотел бы забыть навсегда. – Как раз тогда отец ушел, мать бухать начала, а я с плохой компанией связался. До сих пор удивляюсь, как нас не закрыли.

Он помолчал.

– Один раз собрались на хате у Вовки, у сокласника, день рождения отметить. В одиннадцатом классе. А он с девчонкой одной зависал постоянно, хотел ее бросить, она не отставала. Тогда он кого-то из наших подговорил, они ее подпоили... и... всей толпой, в общем. А он потом ее под тем предлогом, что она шлюха, и бросил, – Влад встал со стула и подошел к распахнутому окну, достал из пачки сигарету и, прикурив, глубоко затянулся. – Я знал, что там происходит в соседней комнате, и я ничего не сделал, чтобы это прекратить. Ни-че-го. Нам всем казалось, что это всего лишь игра, понарошку. Она не кричала, не просила о помощи... Лишь потом, когда все закончилось... я видел, в каком состоянии она уходила... я понял, что то, что произошло – это статья. И серьезная статья. И если не остановиться, то дальше – больше, из нас выйдут настоящие отморозки.

Саша молча слушал друга, не задавая никаких вопросов и не осуждая. Сам не без греха...

– В общем, я смог... выбился в люди... но... мне никогда не удастся забыть тот вечер. И я всегда буду ненавидеть себя за то, что был там. Только вот сейчас молодежь такая, что нам в их годы было до них далеко...

– Что ты хочешь сказать? – поднял на него глаза Воронов.

– Если окажется, что Ксению кто-то... против ее воли... то я его порву, – твердо произнес Влад. – Да, кстати, извини, что она тебе названивает, – он повернулся к Саше, вновь возвращаясь в реальность. – Я про вашу поездку на кладбище.

– Да ладно, – пожал плечами тот. – Мне не в напряг.

– Она уже с медведем была? – без перехода поинтересовался Демидов.

– Нет, – Воронов чуть замешкался. – Это я его ей подарил.

Влад удивленно приподнял брови.

– Зачем?

Саша пожал плечами.

– Она расстроена была... Хотелось как-то поднять девчонке настроение...

Несколько секунд Демидов смотрел ему в глаза, но так ничего в них не заметив, лишь молча кивнул.

Ксения еще долго не могла успокоиться после ссоры с Владом, и лишь мысли о Саше помогли ей расслабиться. Вечером, лежа в кровати в обнимку с игрушкой, она в деталях вспоминала дневную поездку, жалея, что практически не обращала внимания на мужчину. Хотелось знать, смотрел ли он на нее и как, почему решил сделать подарок. А вдруг?! Сердце забило быстрее. А вдруг она ему понравилась как девушка?!

На следующее утро Ксения летела в школу, как на крыльях. Ни разборки с так называемым братом, ни возможные докапывания Ковылева не могли испортить отличного настроения. Она даже не удивилась, заметив этого придурка в коридоре явно в ожидании нее. Увидев ее, он расплылся в уже знакомой похабной улыбке.

– Привет, красавица, – преградил он ей дорогу. – Что за мужик тебя вчера встречал на тачке?

– Тебе какая разница? – Ксения даже не остановилась, просто обошла его.

– Мой соперник? – пошутил Ковылев. – А он не староват для тебя?

– Слушай, отстань, а, – развернулась к нему девушка и неожиданно для себя добавила: – Если я скажу ему, что ты меня достаем, он тебя по стенке размажет, понял?!

Одноклассник снова усмехнулся, пытаясь скрыть замешательство. Черт его знает, что это за чел... Ксения прошла дальше в класс, в душе надеясь, что теперь-то уж наглый приставала от нее отвяжется. Саше даже не пришлось ничего делать, он, сам того не зная, уже реально ей помог.

Последующие несколько школьных дней были для нее спокойными. Ковылев на какое-то время отстал, и она с удовольствием окунулась в приятный мир общения с одноклассниками. Благодаря Алене они приняли ее в свой круг, и перемены она теперь проводила, не сидя в одиночестве за партой, а в обсуждениях модных шмоток, фильмов, косметики, парней. Уроки отошли на второй план, все объяснения учителей она слушала вполуха, большей частью глядя за окно и думая о Саше.

Настроение ей в основном теперь портил Влад. Просто своим присутствием. Взял привычку приходить домой рано! Иногда она сетовала, ну почему роль ее опекуна не досталась Саше? Жить рядом с ним, видеть его каждый день, слышать его голос – это ли не счастье? Потом стало интересно, есть ли у него девушка, женат ли он. Подобные размышления заводили ее все дальше и дальше... И каждый вечер, засыпая, Ксения непременно загадывала увидеть Сашу во сне.

А через несколько дней скандал с Владом продолжился. Она-то, наивная, уже успела позабыть его причину.

Услышав, как в замке проворачивается ключ, Ксения быстро прикрыла дверь в свою комнату и уселась за письменный стол, делая вид, что занята уроками. И что ему надо дома в рабочее время, неприязненно подумала она. Опер, коротко постучав, вошел в комнату и замер на пороге. Девушка продолжала что-то старательно вычитывать в учебнике, не обращая на него никакого внимания. Она давно уже поняла, что в его присутствии лучше молчать.

– Собирайся, поехали, – коротко бросил он.

– Куда? – она даже головы не повернула в его сторону.

– К врачу, – невозмутимо ответил Демидов. – Давай быстрее, у меня дел на работе невпроворот.

– К какому еще врачу?! – медленно развернулась к нему Ксения, ей показалось, что она ослышалась. – Зачем?!

– К какому... К женскому! – судя по его повышающемуся тону, терпение мужчины было на исходе. – Давай быстрее!

Еще только этого не хватало. Он, что, не поверил ей на слово? Хочет проверить, «девочка» она еще или уже нет? Такого унижения она терпеть не будет!

– Я никуда не поеду!

Влад быстро прошел вглубь комнаты, оказавшись в двух шагах от девушки.

– Собирайся, я тебе сказал! – его тон не предвещал ничего хорошего.

Глава 7

– Я... никуда... не поеду! – отчетливо, по слогам произнесла Ксения, вскочив со стула и пятясь от Влада к окну.

– Тебя силой утащить? – окончательно разозлился он, наступая на нее.

Отступать уже было некуда, и девушка вжалась спиной в подоконник.

– Мне не нужно ко врачу... Зачем? – совершенно растерялась она, отбиваясь от его рук. Не надеясь на силу убеждения своих слов или не желая терять времени даром, Демидов потянул ее за руку к себе.

– Ага... – криво усмехнулся он. – А тест чей?

– Это не мой тест...

– Ну, начинается! Я, что, на дурака похож? – он снова больно схватил ее за руку, не замечая, что девушка поморщилась.

– Почему ты мне не веришь?! Что я такого сделала?! Тебе проще поверить в то, что я обманщица и шалава какая-то?! – прокричала ему в лицо Ксения, на глаза выступили злые слезы. – Это не мой тест! Не мой!

Влад медленно выпустил ее локоть и сделал шаг назад. Пристально глядя ей в глаза, он несколько секунд прикидывал что-то в уме, а потом тихо и мягко спросил:

– А чей?

Ксения облизала пересохшие губы и несмело промолвила:

– Лены... Я... видела его в ванной... на следующий день когда... когда пришла сюда... – под его немигающим взглядом слова давались с трудом. Она смахнула с лица слезы, которые неприятно щекотали кожу, и только сейчас поняла, что тело бьет нервная дрожь.

– Ты можешь сегодня уйти ночевать к подружке? – каким-то чужим, глухим голосом вдруг спросил он после минутного молчания. Потрясение было слишком велико. Неожиданно он осознал, что в свое время по какой-то непонятной причине не ознакомился с протоколом вскрытия тела. Все вопросы за него утрясал Воронов, и уж он-то, наверное, должен был быть в курсе беременности Лены. Конечно, знал, но смолчал.

Ксения же, ждавшая от него совершенно других слов, абсолютно иной реакции, растерялась. Отстраненно подумав, что родители Маринки могли быть в городе, она машинально кивнула. На крайний случай переночует на старой квартире. Туда давно никто не заглядывал, вот и не мешало бы наведаться туда, сделать уборку, проверить, все ли там в порядке.

Влад вытащил из внутреннего кармана куртки белый прямоугольный конверт, потряс им перед ее носом и со словами: «Твоя карточка», положил на стол. Постоял еще немного, глядя куда-то себе под ноги, затем развернулся и вышел. Хлопнула входная дверь.

Ксения осторожно отошла от окна, чувствуя, как сердце постепенно унимается. Представила, что мог сейчас испытывать Влад после открывшейся правды. Поняла, что не было в душе злорадства, которого можно было ожидать от нее после всех его обидных слов и действий. Ей было жалко его, уж она-то прекрасно знает, каково это – терять близких, понимать, что во всем мире ты один-одинешенек.

Взяв в руки конверт, Ксения медленно надорвала тонкую бумагу и извлекла яркий пластик. Слава богу, теперь не придется выпрашивать деньги на карманные расходы у Влада. Нет, он ей никогда не отказывал, без слов оставлял несколько купюр на полке в прихожей, но сам факт, что ей приходится напоминать чужому и постороннему человеку (все равно он был для нее чужим и посторонним) о том, что у нее закончились деньги, был неприятен.

Покончив со сборами, скидав в пакет только самое необходимое, девушка быстро покинула квартиру. Не хотелось, чтобы вернувшись, Демидов застал ее дома. Мало ли куда он направился. Может, в ближайший магазинчик за бутылкой, чтобы потом в одиночестве зали-

вать свое горе. Лучше сделать так, как он попросил, тем более что он действительно попросил, а не приказал в его обычной отвратительной манере.

Через полтора часа, уже окончательно определившись с местом для ночлега, Ксения подходила к подъезду бабушкиной квартиры. Не было настроения выслушивать Маринкины ахивздохи, сидя у нее в комнате, или шумно тусить с компанией во дворе. Хотелось тишины и покоя. На улице к этому времени уже зажглись фонари, опустились мягкие сумерки. В воздухе пахло весной.

Поднявшись на свой этаж, девушка зажгла свет на площадке и, вытащив из недр сумки ключи, поднесла их к замочной скважине. С трудом войдя в замок, ключ не хотел проворачиваться. Поудобнее устроив сумку на плече и перекинув повыше пакет, Ксения уже двумя руками пыталась открыть дверь. Только не это, мысленно взмолилась она, только не заевший замок. Ключ по-прежнему не хотел двигаться ни в какую сторону, и она уже начала злиться.

– Как не вовремя! – Ксения в сердцах несколько раз подергала вверх-вниз ручку, и дверь неожиданно приоткрылась.

Странно... Когда она уходила отсюда в последний раз, она закрыла дверь, она это хорошо помнила. Сейчас же дверь была открыта. Затаив дыхание, она осторожно прислушалась, но ничего не услышала. Внутри было темно и тихо.

Мысленно уговаривая себя, что ничего страшного и опасного ее ждать в квартире не может, Ксения собралась с духом и потянула дверь на себя. Полоска света от лампочки в подъезде выхватила из темноты прихожую и часть комнаты. На первый взгляд все было в порядке, если бы не одно «но» – дверцы шкафа, стоящего в комнате, были распахнуты настежь, а все вещи в беспорядке валялись на полу, как будто кто-то что-то искал. Неужели, в квартиру проникли воры?

Господи, у них и воровать-то было нечего. Обстановка более чем скромная. Застыв в нерешительности на пороге, Ксения отчаянно думала, что предпринять. Вызвать полицию? Но захотят ли они разговаривать с ней, несовершеннолетней? Звонить Владу? Ему сейчас точно не до нее, и неизвестно еще в каком он вообще состоянии. Напрашивался еще один вариант, но девушка не была уверена, имеет ли она на это право, ведь Саша-друг и Саша-начальник – это разные вещи.

Постояв в нерешительности еще несколько минут, девушка уже приготовилась звонить Владу, но в последний момент вспомнила слова Воронова: «Если что нужно, обращайся. Не стесняйся» и его теплый искренний взгляд. Палец сам коснулся экрана телефона, пролистал до нужного контакта, вызов пошел.

Как и следовало ожидать, мужчина сразу же откликнулся на ее просьбу. Велев ей не входить в квартиру, а ждать его приезда на улице, он, развернувшись с полдороги по пути домой, направился в ее район. Воронов несколько раз набрал номер Влада, в душе удивляясь, с чего бы это девчонку занесло в старый район на ночь глядя, но абонент был отключен.

– Ты почему здесь, а не дома? – прямо спросил он ее после приветствия. – Влад чем-то обидел?

– Нет-нет, – быстро выпалила Ксения и, боясь, что Саша не удовлетворится таким односложным ответом и потребует дальнейших объяснений, добавила: – Я сама попросилась тут переночевать. Прибраться нужно.

Воронов пытливо смотрел ей в лицо, стремясь угадать то, что осталось за словами. Сделав вид, что поверил девушке, кивнул:

– Хорошо, что там?

Вкратце обрисовав ему, как она вернулась домой и нашла разгромленную квартиру, Ксения неуверенно промолвила:

– Теперь не знаю, что делать...

– Ясно, – хмыкнул опер. – А брату почему не позвонила? – и тут же исправился: – Владу.

Девушка опустила глаза. Нужно было быстро придумать какую-нибудь правдоподобную ложь, чтобы, не дай бог, Саша не подумал, что она только и ищет повода для встречи с ним. Но и правду сказать она тоже не могла. Раз Саша Владу не друг, а лишь начальник, то вряд ли он в курсе всех его семейных неурядиц, и рассказывать ему о причине ее ночных гуляний было ни к чему.

– А, у него же телефон отключен, – Воронов решил прийти ей на помощь, понимая, что она не хочет об этом говорить. – Ну, что ж, пойдем, – он двинулся в подъезд.

Бегло осмотрев квартиру профессиональным взглядом, Воронов вышел на площадку. На этаже было еще две квартиры, и он направился напрямик к двери напротив. Со слов Ксении он уже знал, что там проживала женщина-пенсионерка, а в третьей квартире уже полгода шел ремонт, там никто не жил. Покрутив перед носом соседки корочками, Воронов быстро задал ей необходимые в этих случаях вопросы и выяснил, что она ничего не видела, ничего не слышала. Посетовала на шумную молодежь, собирающуюся у подъезда, да на бестолкового участкового.

С прибывшими ППС-никами, а затем и опергруппой, Саша разговаривал сам. Полицейские что-то осматривали, заносили данные в протокол, просили подписать какие-то бумаги. Ксения стояла в сторонке, изредка окидывая Сашу взглядом и в душе восхищаясь его мужественностью, тем, как он быстро сумел все утрясти. Когда же ее глаза встречались с его серьезным, внимательным взглядом, внутри рождались приятные чувства, заставляя щеки пылать румянцем, а губы – застенчиво улыбаться.

После того как со всем было покончено, и опергруппа удалилась, Саша повернулся к ней:

– Пойдем, отвезу тебя домой.

– Домой?! – она испуганно уставилась на него. Домой ей нельзя...

– Не хочешь? – Саша вопросительно приподнял бровь. – Ладно, поехали, отвезу тебя в другое место, – он развернулся и начал спускаться по лестнице вниз. Предваряя ее возможный вопрос, кинул через плечо: – Переночуешь в гостинице, а утром я тебя отвезу на занятия.

Сидя на лоджии, Воронов пытался разобраться в самом себе, понять, отчего бессонница стала его постоянной спутницей. С небосклона сорвалась и упала, растворившись в бархате ночи, звезда, потом еще одна. Говорят, когда падает звезда, нужно загадать желание, и оно обязательно исполнится. Только вот то, что он хотел бы загадать прямо сейчас, никогда не исполнится.

Последние дни его мысли неотступно были заняты Ксенией. Сегодня его порадовало, что она обратилась к нему за помощью. Было приятно, что он хоть что-то мог сделать для нее, раз Влад не горит желанием облегчить девчонке жизнь.

– А с Владом поговорить все-таки нужно, – серьезно подумал Саша и усмехнулся: – Когда-то именно Влад вправлял ему мозги, помогал исправить все его «косяки».

Мысли вновь вернулись к Ксении. Все больше и больше казалось, что она как две капли воды похожа на Вику. Ее потерянный вид по дороге с кладбища помимо воли напоминал ему о том вечере три года назад, когда он, проявив хоть чуточку внимания и чуткости, мог предотвратить ужасные последствия. Мог, но не сделал. Тогда его мысли были заняты Юлей, ему не терпелось затащить ее в постель, убрать с дороги мешавшегося под ногами соперника, и он в упор не видел того, что творилось с сестрой.

Закрыв глаза, Воронов откинулся назад и прислонился затылком к стеклянной поверхности окна за спиной. Отличная память тут же услужливо воскресила картину: Вика, с отрешенным видом лежащая на кровати, ее односложные ответы на его торопливые вопросы, промелькнувший в глазах испуг при упоминании о «первой любви» и ясно читающееся в поведении мамы переживание о дочери и смущение оттого, что она беспокоит сына по пустякам.

И почему тогда его профессиональная чуйка смолчала? Потому что ему никогда не приходило в голову, что на его младшую сестренку, которую он всегда считал ребенком, кто-то

может посмотреть как на объект вожделения? Или потому что в то время он думал не головой? Как охотник, загоняющий добычу, он предвкушал скорый желанный секс с Юлей и не хотел отвлекаться ни на что постороннее.

Не открывая глаз, Саша глубоко затаился и медленно выпустил дым. Мысли потекли в другом направлении. А если бы он поставил тогда на место оборзевшего малолетку, кулаками объяснил, что «нет» значит «нет», какова была бы его жизнь сейчас? Вполне возможно, что квартира не дышала бы уютом, не сопел в кроватке сынишка, и он бы проводил ночи, не обнимая Юльку, а трахая доступных шлюх. Только и Вика с мамой были бы живы...

– Вот и не знаешь, как оно лучше было бы, – вздохнул Воронов мысленно.

– Саш, ты почему не спишь? – услышав тихий шепот, он обернулся.

В проеме двери замерла Юля. Тоненькая шелковая материя обтянула ее фигурку, подчеркивая округлившийся живот. Свежий ночной воздух охлаждал кожу, отчего Юля поежилась и обхватила себя руками. Саша успел заметить, что соски ее напряглись и соблазнительно выделялись на темной ткани. Удивительно, но она до сих пор была для него желанна, как и в тот день, когда он впервые увидел ее.

Затушив сигарету, он медленно привлек ее к себе и зарылся лицом в шелковистые волосы.

– А сама что не спишь?

Юля подняла голову и, внимательно вглядываясь в его лицо, с тревогой спросила:

– Что-то случилось?

Саша молча покачал головой, наслаждаясь блеском ее глаз в темноте, задумчиво провел рукой по щеке и, склонившись, приник к губам в долгом поцелуе. Прохлада ее кожи напомнила ему, что на дворе «не май месяц» и лучше не рисковать здоровьем будущей мамы. Не разрывая поцелуя, он бережно приподнял жену, внес ее в комнату и осторожно усадил на стол. Коротенькая ночнушка задралась, и мужчина скользнул одной рукой под ткань, обнимая Юлю за спину, второй снимая с плеча тоненькую бретель. Губы замерли на нежной ложбинке на шее, там, где часто-часто билась жилка. Он улыбнулся, чувствуя, что ее дыхание сбилось, тонкие пальчики утонули в ежике волос, а тело выгнулось ему навстречу. Осознание того, что она его хочет, еще больше обостряло и усиливало желание.

– Саша... подожди, – выдохнула Юля, когда его губы, оставив влажный след на груди, плотно обхватили сосок, а пальцы взялись за резинку трусиков. – Саш, – она мягко уперлась в его плечи. – Врач сказал, что лучше воздержаться...

– А мы аккуратно, – прошептал он ей на ухо, вновь привлекая ее к себе и ласково гася сопротивление.

– Нет, Саш, – уже твердо произнесла Юля, пытаясь вернуть обе бретели на место. – Врач сказал, что нельзя...

– Эх, – шутливо огорчился Саша. – На голодном пайке я долго не выдержу, – и еще раз поцеловав Юлю, добавил: – Ну, тогда спать...

В рассеянном свете ночника плавали густые клубы дыма, пепельница была полна окурков. Цифровое табло холодильника отсвечивало зеленым «04:52». За окном медленно растеклось апрельское утро, постепенно растворяя ночную тьму.

Покрасневшими, воспаленными от недосыпания и сигаретного дыма глазами Влад уже несколько часов смотрел на разложенные перед ним бумаги – копии амбулаторной карты Лены из районной поликлиники – и ничего не видел. Ту страницу, где размашистым почерком было выведено «Бер-ть 7-8 нед», он запомнил до мелочей. Каждое пятнышко, каждую черточку...

Все-таки, бордовая корочка творит чудеса, раскрывает двери там, где обычного человека остановят казенные, дежурные фразы и правила. Ему стоило многих усилий сдержаться, не выдав личной заинтересованности в деле о «пострадавшей Елене», сделать вид, что он рас-

следует дело о наезде на пешехода. Сейчас же никакой необходимости притворяться не было. Можно было позволить себе заново пережить ту боль теперь уже до конца. В одиночестве признаться самому себе, что косвенно в этом была его вина. Даже не косвенно, а напрямую, как будто он собственноручно толкнул Лену под колеса автомобиля. Вместе со своим нерожденным ребенком.

Откупоренная бутылка водки так и стояла нетронутой. Сначала он думал, что напьется. Напьется до потери пульса, до поросычьего визга, до синих соплей. Напьется так, чтобы перестало казаться, что Лена смотрит на него с фотографии укоризненно и осуждающе. Потом понял, что это бесполезно. Не такая эта боль, которую можно заглушить алкоголем. С ней можно научиться жить, тщательно прятать от окружающих, но заглушить ее нельзя. Она должна постоянно напоминать ему о том, что он сделал, иначе он будет не он...

Ксения всю ночь ворочалась в душисто-пахнувшей постели, борясь с непрошеными мыслями. Даже ванна с ароматной пеной не помогла избавиться от них. Стоило закрыть глаза, и перед мысленным взором тут же возникал Саша. В кожаной куртке, с короткой стрижкой, прямым взглядом, волевым подбородком, уверенными движениями он являл собой образец идеального парня. А запах... Этот волнующий мужской запах она не забудет никогда.

С каким уважением к нему отнеслись сотрудники небольшой гостиницы, куда он ее привез. Выделили ей номер в дальнем, особо охраняемом крыле здания. Начальник охраны (как гласила надпись на бейдже) самолично уверил Воронова, что покоя девушки никто не потревожит.

– Не мужчина, а мечта, – вздохнула она, засыпая под утро.

В половине седьмого ей принесли завтрак в номер, и тут же позвонил Саша. Пообещал заехать за ней к семи, чтобы отвезти ее на занятия в школу. Ксения улыбнулась, день начинался с положительных эмоций – полчаса в пути с Сашей, в маленьком мирке, который принадлежит только им двоим.

– Смотрю, твой папик тебя уже с утра подвозит, – язвительно подколот ее Ковылев, как только машина Саши отъехала от школы. – Че, хороша ночка была? Заслужила?

– Завидуй молча, – невозмутимо бросила девушка, даже не глядя в его сторону. Ей же лучше, чтобы этот дебил думал, что Саша – ее мужчина. Пока считает так, будет держаться на расстоянии.

К концу четвертого урока Ксения почувствовала, как вибрирует в кармане телефон. Саша... Не взять трубку она не могла, поэтому, спросив разрешения выйти, девушка быстро выскользнула из класса.

– Ты не знаешь, где Влад? – в голосе мужчины сквозила обеспокоенность. – Он на работу не вышел, мобила отключена, домашний не отвечает. Он куда-то собирался, ты не в курсе?

– Нет, – растерянно произнесла Ксения. – Он ничего не говорил...

– У тебя ключи же есть, – полувопросительно, полуутвердительно спросил Саша. – Если я сейчас за тобой заеду, ты сможешь выйти?

– Да, конечно, – волнение Воронова передалось и ей. Раз Саша волнуется, значит, есть повод, да и она сама в глубине души чувствовала, что днем ранее Влад не зря просил ее провести ночь вне стен дома.

Глава 8

– Подожди меня здесь, – Саша отстранил ее от входной двери после того, как та была открыта, и вошел в квартиру.

Внутри было тихо, вещи Влада висели на вешалке, ключи от машины лежали на полке, обувь стояла тут же. Быстро заглянув в туалет, в ванную, на кухню, Воронов направился вглубь комнат. Его опер лежал навзничь на диване, согнутой рукой прикрывая лицо. Саша осторожно потряс его за плечо, тот не шевелился. Саша потряс посильнее, и Демидов наконец открыл глаза, приподнял голову и мутным взглядом осмотрелся.

– Сань? – голос со сна был хриплый. – Ты чего здесь? – он спустил ноги на пол.

– Ты почему не на работе? Бухал, что ли, вчера?

Влад протер глаза, широко зевнул и, взглянув на запястье с часами, удивленно присвистнул:

– Ну, ни хрена себе! Вот это я проспал.

– Звоню тебе, звоню, ты трубку не берешь, – Саша уселся в кресло рядом.

– Отключил, – Влад пошарил под диваном рукой, выудил оттуда телефон, заиграла мелодия включения.

– А домашний? А домофон?

– Тоже, – опер покрутил головой, разминая затекшую шею. – Хотелось побыть в полной тишине.

– Пил? – кратко спросил Воронов. – Один?

– Не, не пил почти, – мотнул головой Влад. – Хотел покемарить чуток, да уснул.

– А Ксюша почему по улицам бродит? Без присмотра? – в голосе чувствовалось осуждение.

– В смысле «бродит»? – непонимающе уставился на начальника и друга опер. – Она на занятиях должна быть.

– Я про вчерашний вечер, – уточнил тот.

– Она к подруге пошла, – пожал плечами Демидов.

– Давай, я тебя на работе жду, – после недолгой паузы Саша хлопнул его по плечу, поднимаясь с кресла. – Разговор есть.

– Угу, – Влад еще раз зевнул и откинулся на спинку дивана.

Воронов вышел на лестничную площадку, где маялась Ксения, не решаясь послушаться его.

– Заходи, – улыбнулся он. – Засоня твой родственник, вот и все, – он нажал на кнопку лифта и, когда тот подъехал, скрылся за его дверями.

Проводив его взглядом, девушка неуверенно вошла в квартиру, постояла чуть в прихожей, ожидая, что Влад появится из комнаты, но не дождалась, положила сумку на полку и направилась в кухню. О ночных посиделках напоминала початая бутылка водки да полная окурков пепельница. И кухню не мешало бы проветрить. Раздвинув шторы, она взялась за створку окна, да так и замерла.

Далеко внизу из подъезда быстрым шагом вышел Саша и направился к машине. Видимо, ему кто-то позвонил, потому что он остановился, достал из кармана телефон и приложил к уху. За время разговора он обошел машину, попинал колеса, заглянул под днище. Жаль, что с высоты четырнадцатого этажа ей было не разобрать черт его лица. Она бы с удовольствием еще раз понаблюдала за тем, как двигаются его губы при разговоре, улыбка открывает красивые ровные зубы, вокруг глаз собираются морщинки. Затаив дыхание, Ксения смотрела, как Саша сел в машину и тронулся с места, выезжая со двора.

Она повернула ручку окна, и в кухню ворвался свежий воздух вместе с уличным шумом. Задернув занавеску, Ксения развернулась, сделала шаг вперед и тут же уткнулась носом в грудь Влада. И давно он тут за ней стоял? И что ему надо?

– Ты где ночевала? – он как будто и не собирался отходить в сторону, чтобы дать ей пройти. – У Маринки?

– Н-Нет, – природная честность не дала солгать и в этот раз, хотя она знала, что может и пожалеть об этом. Ну, не умеет она врать, не умеет!

– А где? – удивился он. – Воронов сказал, ты по улицам бродила.

– Кто? – она не сразу сообразила о ком речь. – А... Саша?

– Ага, Саша, – Влад слегка прищурился. – Откуда он знает, где ты была вчера?

Ну и кто тянул ее за язык? Нет бы, сказать, что и вправду ночевала у подруги. Теперь, получается, она и Сашу может подвести. Да и Влада, если подумать, тоже.

– Ну, так, где ночевала-то? – не отставал Демидов.

Ксения отвернулась, мазнув взглядом по стенам кухни, словно в поисках подсказки для лжи.

– Слушай, не зли меня, – голос мужчины зазвучал уже по-другому, мягкие нотки исчезли. – Где ночевала?

– В гостинице, – выдавила она через силу.

– Где?! – наклонился к ней Влад, заглядывая прямо в лицо. – В какой, на хрен, гостинице?! – он рывком усадил ее на табурет. – Ты как туда попала вообще?!

– Меня Саша отвез, – краснея и избегая встречаться с опером взглядом, проямлила она, даже не предполагая, что он мог подумать.

– Ты там, что, с ним была, что ли?! – какие-то новые нотки в его голосе заставили ее поднять глаза. – Спала с ним?!

Ксюша вскочила на ноги и смело встретила с ним взглядом. Достал уже!

– Знаешь, что?! – теперь и она разозлилась. Пусть катится со своими идиотскими предположениями куда подальше!

– Сядь! – Влад давил на нее высотой своего роста и злостью в глазах. – Сядь, я тебе сказал!

Она медленно осела и отвернулась от него к окну. Со стуком поставив рядом еще один табурет, он сел близко к ней, слишком близко.

– Не лезь туда, – сквозь зубы жестко произнёс он. – У него семья. У него жена и ребенок. Скоро еще один родится. Тебе там не место!

– А где мне место?! – озлобленно выкрикнула она, поворачиваясь к нему. – Здесь мне не место! Там мне не место! Где мое место, скажи!

Влад отодвинулся от нее и, помолчав, уже спокойно добавил:

– Если у них будут из-за тебя проблемы, ты об этом пожалеешь.

– А что ты мне сделаешь? Ну, что? – она не хотела, чтобы последнее слово оставалось за ним. – В детдом сдашь?

– Я тебя предупредил.

– Влад, заходи, – Воронов махнул рукой, едва Демидов заглянул к нему в кабинет, появившись в отделе только после обеда. – Тут прокурорские просили оказать содействие в расследовании убийства их человека. Помнишь же?

Влад, отодвинув стул, сел за переговорный стол.

– Ну да, мы к «земле» все ближе, чем они, – согласился он.

– Ага, – закивал Саша. – Просмотри тут бумаги, может, что и нароете, – он протянул оперу папку с документами. – Только просили побыстрее вернуть. И... сам... лично посмотри, ладно?

Демидов поднялся, намереваясь уйти, но начальник остановил его:

– погоди, я еще хотел насчет Ксении поговорить, – на столе завибрировал телефон, и он, сделав Владу знак подождать, ответил на звонок: – Да, Юль.

Даже со своего места Влад расслышал нервные и истеричные нотки в голосе Юли. Саша вскочил с кресла и отошел к окну.

– Так, Юля, подожди... Не плачь... Расскажи, что случилось. Ты где?

Теперь и Влад начал волноваться. Ясно, что случилось что-то плохое.

– Данька с тобой? – резко спросил Саша. – Куда тебя везут? – он повернулся к другу, на лице явственно читалась тревога. – Успокойся, я сейчас приеду.

– Что случилось, Сань? – не на шутку встревожился Демидов.

– Блин, Юлька в аварию попала, – Воронов одним быстрым движением надел куртку. – Ударилась сильно. В больницу везут ее, – кинул ключ от кабинета Владу: – Закроешь тут сам... Все, меня нет...

Саша выскочил из кабинета, даже не закрыв за собой дверь. Не дай бог, не дай бог, с ней и ребенком что-то случится! Еще и Данька там! Она же всегда аккуратно водила, тем более когда ездила вместе с сыном!

Саша мчал на максимально разрешенной скорости, кляня в душе московские пробки. Как Юля плакала, просила, чтобы он приехал скорее, забрал Данечку. Саша едва вписался в поворот, и в последнюю минуту успел затормозить и не снести чертовы ворота больницы с петель. Пожилой охранник с выпученными глазами выбежал ему навстречу, но не успел сказать ни слова, как Воронов ткнул ему в лицо корочкой и зло заорал:

– Открывай ворота! Быстро!

В приемном покое ему в глаза сразу же бросился одиноко-сидящий на лавочке сын. Живой. Испуганный, зареванный, но живой. Саша с размаху обнял его, уткнулся лицом в волосики ребенка.

– Мама где? – спросил он, когда первое волнение схлынуло, ком в груди разжался, и он смог говорить.

– Мама там, – Даниил протянул маленькую ручку, в которой держал игрушечную машинку, и указал в сторону коридора, по которому шла молодая медсестра.

– Даня, папа твой приехал? – ласково обратилась она к мальчику.

– Скажите, Юля Воронова где? Что с ней? – кинулся к ней Саша.

– Она в операционной, – медсестра остановилась рядом.

– В операционной?! Что с ней?!

– Врач выйдет, все вам объяснит, – успокаивающим тоном произнесла она, но взволнованный муж не хотел успокаиваться.

– Скажите мне, что с ней! – потребовал он, заводясь оттого, что медсестра спокойно усаживается на свое рабочее место и больше на него не смотрит.

– Мужчина, во-первых, я не имею права ничего говорить, а во-вторых, вы так ребенка напугаете, – ее слова прозвучали негромко, но отрезвляюще. Действительно, что это он?

Саша посмотрел на сына. В испуганных глазенках застыли слезы, и губки уже подрагивали. Даня был напуган аварией, тем, что долго находился в незнакомом месте один, гневным голосом отца.

– Ну, все, сынок, все, – Воронов крепко прижал тельце сына к себе. – Я с тобой.

Ждать врача пришлось около часа. Саша не находил себе места от неизвестности, и лишь присутствие рядом сына сдерживало его. Наблюдая за тем, как ребенок катал машинку по скамейке, пил сок, принесенный сердобольной медсестрой, Саша чувствовал, что в груди щемит. А если они с сыном останутся совершенно одни? Когда врач наконец вышел из стеклянных дверей в больничный коридор, терпение Воронова было уже на исходе.

– Что с Юлей? – едва сдерживаясь, Саша поднялся навстречу врачу.

– Вы муж? – уточнил тот. – Мы вашу жену прооперировали, у нее кровотечение открылось, отслойка плаценты.

– И? – сердце тревожно забилося, готовясь к худшему.

– У вас дочь, поздравляю, – улыбнулся мужчина. – Недоношенная, маленькая, но шустрая.

«Не лезь туда. У него семья. У него жена и ребенок. Скоро еще один родится. Тебе там не место!»

Слова Влада еще долго звучали у нее в ушах. Не давали покоя и на следующий день, и еще целую неделю потом отравляли жизнь. Как будто ей его ужасного отношения к ней мало.

Иногда брало зло: – А вот возьму и залезу! – Ей тоже хочется, как и Маринке, дружить с мальчиком, бегать к нему на свидания, целоваться, когда никто не видит. Правда, Саша на мальчика совершенно не тянет. Он уже взрослый, самостоятельный мужчина, и вряд ли когда-нибудь посмотрит на нее как-то иначе. Тем более у него и жена есть, вздыхала Ксения.

И вообще, разбивать чужие семьи нехорошо, уж она-то об этом знает не понаслышке. Читала как-то статус: «Жизнь – это большой супермаркет, бери что хочешь, но не забывай – касса впереди, за все придется платить». Самое страшное, что платить придется не только тебе, но и твоим близким.

Мама ее увела отца Влада из семьи, разбила сердце не только незнакомой женщине, но и сыну любимого человека. Пусть, не хотела, пусть, не со зла, но все-таки, разбила. Иначе, чем объяснить его лютую ненависть к ней?

Нет, Ксения не хотела бы, чтобы из-за нее страдали люди, тем более маленькие дети. Достаточно того, что ее Влад ненавидит, не хватало еще, чтобы к этой ненависти добавились вражда и злоба детей Саши. «На чужом несчастье счастье не построишь», – всегда учила ее бабушка.

– Ксю, ты чего нос повесила? – присела рядом Алена. – Уже второй день молча в окно пялишься. Вчерашний день пытаешься разглядеть?

– Типа того, – невесело усмехнулась девушка.

– А, знаешь, что? – Аленка перекинула волосы за спину. – У меня в субботу день рождения. Мама разрешила отметить. Погуляем с девчонками? – она облокотилась на парту и, хитро улыбаясь, смотрела на подругу. – Ну, может, и не только с девчонками...

А что? Почему бы и нет? Сколько можно киснуть в невеселых мыслях, все равно ей Сашу не видать как своих ушей. Только зря сердце бередить. Первая любовь очень часто бывает несчастной, вот и у нее такая – безответная, безнадежная, неразделенная.

И снова он обещает себе сдерживаться, начать по-настоящему заботиться о девчонке. В который раз...

Тысячу раз была права Лена, когда говорила, что раз он привел ее к себе, признал факт наличия так называемой сестры, то должен и заботиться о ней. Хотя бы через силу, хотя бы создавая видимость заботы.

Тысячу раз был прав Саня, выговаривающий ему за то, что он «выпер ребенка на улицу на ночь глядя, чтобы самому побухать в одиночестве». Да, хотел он помянуть Лену да свое нерожденное дитя, но не вышло. Не лезла водка в горло. Вернее, помянуть-то помянул, а вот забыться не получилось. И объяснять Воронову ничего не хотелось. У того радость – дочка родилась, незачем омрачать счастливое событие. А Юля – молодец, дважды осчастливила Санька! Жаль, что для него, Влада, такой второй Юли нет...

Разная жизнь у них становится, мало общего осталось. Пока были холостые – часто бухали вместе, обзавелись семьями – выбирались на совместный отдых, а сейчас Саша – счастливый семьянин, а Влад остался у разбитого корыта: ни семьи, ни детей. За довольно-таки

короткий промежуток времени жизнь кардинально изменилась, и началось-то все со звонка папаши с просьбой о приемной дочери! Так, стоп... звонок...

Влад выдернул из стопки похожих папок на столе ту, что ему передал начальник с просьбой помочь прокурорским, и начал судорожно листать страницы дела. Пока мысль не ускользнула, нужно ее либо подтвердить, либо опровергнуть. Где-то тут, на странице с данными биллинга. Палец заскользил по стройной колонке цифр, пока не остановился на одной строчке, подчеркнутой его рукой. Номер сразу же показался ему смутно знакомым. Правая рука сама потянулась к телефону, лежащему в кармане. Контакты... Он сохранил этот номер под первым попавшимся набором цифр «555». Хорошо, хоть вообще сохранил. Да! Так и есть! Номер не раз звонившего убитому прокурору один в один совпадал с номером мобильного покойного отца.

Убитый прокурор и друг отца – одно и то же лицо?! Теперь иначе выглядит и событие, на которое Влад не очень-то обратил внимание, и из-за которого бушевал Воронов, – ограбление квартиры Ксюшиной бабушки. Случайные воры-домушники проникли или нет? Надо думать... И нужно разговаривать с самой Ксенией.

Когда он пришёл домой, дверь в комнату девчонки была закрыта, оттуда доносилась громкая музыка. Влад прошел на кухню, заглянул в кастрюли на плите – все пустые. Ну да, он же дома по утрам только кофе пьет. Поначалу Ксения что-то готовила, но потом, видя, что ее стряпня не пользуется спросом, забросила готовку. Сама, интересно, чем питается? Или вместе с ним желудок портит?

Чуть поддав дверь в ее комнату рукой, он остановился на пороге, прислонившись плечом к косяку. Ксения в черном коротком платье на тоненьких бретелях вытанцовывала под музыку перед зеркалом. Заметив плавное движение открывающейся двери, а потом и мужчину, стоящего на пороге, она тут же бросилась к телефону, лежащему на столе. Музыка умолкла.

Ксения оробела. Черт, он же утром сказал, что придет поздно ночью, а сейчас еще и восьми нет. Она решила поднять себе настроение, любуясь на себя красивую в новом платье, специально приобретенном для дня рождения Алены. Неловко переминаясь под изучающим взглядом Влада, медленно осмотревшего ее с ног до головы, она чувствовала непреодолимое желание прикрыться. Платье было слишком откровенным, теперь она это понимала. Нет, для вечеринки самое то, но стоять перед взрослым, посторонним, по сути, мужиком, – слишком вызывающее.

Взгляд Влада остановился на чем-то позади нее, и девушка невольно обернулась. На кровати поверх покрывала лежала ее сумка, скинутая впопыхах одежда, и белым пятном на темном фоне выделялся кружевной лифчик. Ксения залилась румянцем. Все свое белье она всегда сушила у себя в комнате на батарее. Ей казалось неприличным развешивать его в ванной или на балконе, где его всегда мог увидеть Влад.

Вновь посмотрев в сторону двери, она на доли секунды успела заметить, что он пялится на ее грудь, как будто хочет удостовериться, что она действительно без лифчика. Щеки запылали еще ярче, но она не сдвинулась с места, не кинулась прятать белье, лишь мысленно себя отругала. Ну как она могла не услышать его прихода?!

– Куда собралась? – наконец хмуро поинтересовался Влад.

– На день рождения...

– К кому? Куда? Когда? – он вновь пробежался глазами по Ксении с головы до ног и обратно.

– Одноклассница пригласила... в субботу...

– Куда?

– К ней домой... Тут рядом...

Опер чуть помолчал, размышляя, стоит ли ее пускать в таком виде на празднество. Очень часто посиделки с обилием алкоголя заканчиваются заявлениями в полицию. Ему ли не знать.

– Парни там будут?

Ксения лишь пожала плечами. Она и правда не знала.

– В пятницу пойдем к Воронову в гости... У него дочка родилась... Он приглашал...

Сердце девушки часто-часто забилось. То ли от того, что она завтра увидит Сашу, то ли от напоминания о том, что он несвободен и недостижим для нее.

– Ты ужинала? Приготовишь что-нибудь по-быстрому? Умираю, есть хочу...

– Конечно, приготовлю, – кивнула она, а про себя подумала: – Вот только переоденусь, – но опер продолжал стоять на пороге и никуда не двигался. Пришлось ей идти на кухню в этом платье.

Влад уселся на табурет у стола и неотрывно наблюдал за тем, как девушка готовит ужин на скорую руку. Чтобы длинные волосы не мешали, Ксения собрала их в хвост, открыв взору мужчины нежную линию плеч и шею. Специально сделала или сама пока еще не понимает, насколько соблазнительно выглядит в таком одеянии?

Ксения стояла боком к нему, нарезаая колбасу на доске. Он еще раз неторопливо прошелся взглядом по узким бретелям на плечах, лифу, красиво подчеркнувшему маленькую грудь, по тонкой талии и расклешенному подолу платья, покачивающемуся при каждом движении девушки и приковывающему внимание к бедрам.

В паху разлилось желание. Он сам не ожидал, что так на нее отреагирует. Но удивляться было нечего – перед ним стояла не угловатая девчонка, в джинсах выглядящая как мальчишка, а привлекательная девушка, вполне способная подарить физическое наслаждение. Интересно, Воронов на нее так же отреагирует, если увидит ее в этом платье? Когда-то он ни одной юбки не пропускал, это сейчас остепенился. Хотя во время первой беременности Юли, не раз захаживал к стриптизерше Анне из клуба, принадлежавшего Мельниковским. Простила бы Юля мужа, если бы узнала о его нынешних шашнях с другой? Или бросила бы его?

– Ты можешь на меня так не смотреть? – громко, но при этом не глядя на него, спросила Ксения, выдергивая опера из своих мыслей.

Бл*, неужели, думая о Сане с Юлей, он продолжал пялиться на Ксению?! А вспомнив свои неприличные мысли касательно нее, он и вовсе смутился. Не хватало еще, чтобы девчонка заподозрила его в нездоровом интересе к себе! Да уж, сразу видно, что у него уже давно не было секса.

– Ксюш, – встав со стула и понимая, что девушка может обидеться, ведь снова ее старания оказались напрасны, Влад произнес виновато: – Ты сама поужинай, хорошо. Мне срочно нужно отъехать.

Он не очень-то любил пользоваться услугами продажных шлюх, но сегодня, видимо, без этого не обойтись. И разговора с Ксенией сегодня тоже не получится...

Глава 9

– Почему то платье не надела? Черное? – Ксения, облачившись в удобные джинсы и легкую кофточку, вышла в прихожую, где ее уже ждал Влад, чтобы идти к Вороновым. – Тебе идет, – она замерла в удивлении. Идет? – Надень платье, – опер легонько подтолкнул ее в сторону комнаты.

Что еще за новости? С чего это вдруг Демидов озаботился ее внешним видом? Там, куда они идут, будет много народу, и он боится, что она его опозорит? Только ей что-то не хотелось зажигать в платье, оставляющем обнаженными плечи, среди незнакомых людей. То ли дело девчонки, или вообще бездушное зеркало. Не привыкла она красоваться перед кем бы то ни было, хотя стоило признать, что платье ей действительно шло. Она в нем была такая женственная, самой нравилось.

Девушка платье надела, но сверху накинула легкий пиджачок, и туфли на каблук. Повертевшись перед зеркалом, осталась вполне довольна собой. Изящно, красиво и ни капельки не вызывающе. Ксюша быстро провела расческой по распущенным волосам, подумала немного и взялась за плойку. Гулять, так гулять. Пусть Саша увидит ее во всей красе, а Влад пускай ждет, это было его пожелание – не ударить в грязь лицом перед гостями Саши. Еще несколько минут, тушь на ресницы, блеск на губы, и она готова.

Когда девушка наконец вышла к терпеливо ожидающему ее «братцу», тот пару секунд смотрел на нее, как будто не узнавая, потом медленно обвел взглядом с ног до головы, одобритительно хмыкнул и, схватив ключи, повернулся к выходу: – Ну, погнали.

– О, Ксюш, какая ты красивая! – улыбаясь, поприветствовал ее Саша в стенах своего дома. – Вот, познакомься, это моя жена, Юля, – в прихожей появилась девушка с очень эффектной внешностью. Язык не поворачивался назвать ее женщиной. Миловидное, чем-то напоминающее кукольное личико с большими выразительными глазами в обрамлении длинных, спадающих на плечи волос. Удачно подобранное платье хорошо скрывало недостатки фигуры, которые могли быть у женщины после родов, но все равно трудно было поверить в то, что она мать двоих детей.

Из комнаты со всех ног выбежал карапуз лет трех и тут же оказался где-то под потолком, радостно визжа и дрыгая ногами в воздухе. Влад несколько раз подкинул мальчишку вверх, со смехом приговаривая: – Как же ты вырос, Данька! Скоро меня перерастешь!

Ксения с удивлением наблюдала за метаморфозами Влада. Надо же, а она-то думала, он вообще не умеет улыбаться, не говоря уже о том, чтобы смеяться от души.

– Юль, это сестра Влада, Ксения, – Саша представил девушек друг другу. Ксюша поежилась, странно слышать, когда тебя так называют. Сестра. Ну, какая она ему сестра? Сам Влад категорически не хочет этого признавать. Девушка вдруг испугалась, что Демидов сейчас опровергнет их родственную связь и поставит ее в неловкое положение при всех. Но он молчал, улыбался сидевшему у него на руках ребенку.

– Очень приятно, – приветливо улыбнулась хозяйка. – Проходите.

Квартира у Саши была просторная, четырехкомнатная, обставлена со вкусом. И атмосфера – уютная, теплая. В большой комнате накрыт стол, еще пара гостей. Повсюду цветы – надарили маме на выписку. Весь вечер Юля периодически уходила в детскую, так как новорожденная дочка требовала постоянного внимания, оставляя роль хозяина за столом Саше. Маленький Данилка, поначалу немного постеснявшись, через некоторое время утащил Ксению к себе в комнату показывать свои богатства: конструктор, машинки, пистолетики, и больше до конца вечера не отходил от нее ни на шаг.

Взгляды, которые Саша часто кидал на жену, говорили о том, что их отношения быт еще не заел. Как только она оказывалась рядом с ним, он непременно касался ее – то за талию слегка

приобнимет, то на плечо ладонь положит, то за пальчики на руке потеревит. Юля отвечала ему нежным и любящим взглядом. Ксении до безумия захотелось хоть на секундочку побыть на месте жены Саши, чтобы на себе почувствовать его горящий любовью взгляд, ощутить нежность его прикосновений.

Влад активно поддерживал общую беседу за столом и незаметно наблюдал за Вороновым и Ксенией. У него не осталось практически никаких сомнений в том, что девчонка «втюрилась» в Воронова по уши, настолько это было заметно по ее поведению. Она исподтишка кидала взгляды в сторону супругов и настороженно, даже ревностно, осматривала Юлю. Стоило Саше обратиться с каким-нибудь вопросом к ней, как щечки ее тут же розовели, а глаза сверкали так, что, казалось, затмят блеск хрустальной люстры, заливающей светом всю комнату. А взо-бравшийся на колени к Ксюше безумно счастливый Данька вызывал у отца искреннюю улыбку и добродушный смех, заставляя его вновь и вновь смотреть на девушку, которая прямо-таки расцветала в ответ.

Влад заметил, что Воронов не сводил с Ксюши глаз, наблюдая за тем, как она общается с его сыном, но взгляд этот был совершенно иной. Не тот, каким он когда-то оценивал потенциальных кандидаток для снятия сексуального напряжения. Не тот, каким он провожал Юлю четыре года назад, когда она только-только появилась в их отделе. Такой взгляд Влад видел у Воронова лишь раз, когда стал свидетелем его разговора с Викой.

Подозрение в отношении друга немного отпустило. Саша относился к девчонке как к сестре. Все его внимание к ней было продиктовано желанием проявить нереализованные братские чувства, а вот ее реакция оставляла желать лучшего. Хорошо, если она проникнется тем, что у Воронова семья, и разрушать ее не следует. А если нет? Если не поймет этого? Решит сделать назло всем? Вдруг она пошла вся в мать, и эгоизм у нее в крови?

– Сама дойдешь до квартиры? – повернулся к ней Влад, притормаживая во дворе. – Мне еще съездить нужно кое-куда.

Ксения кивнула и молча вылезла из машины. Опер, не отрывая глаз, смотрел как девичья фигурка, скользнув в свете фар, растаяла в темноте. Как только знакомое пикиканье домофона стихло, он загнал машину на свой пяточок и заглушил двигатель. Никуда ехать ему не надо было. Нужно было просто подумать в тишине. В отделе отвлекали рабочие моменты, дома будет отвлекать Ксения.

Откинув водительское кресло, Влад удобно устроился в нем и предался размышлениям. Еще раз перебрал в уме разговор с отцом, мысленно разложил по полочкам все, что знал из дела убитого прокурора, переварил информацию о проникновении в жилище Ксюшиной бабушки.

Со слов Воронова он знал, что из квартиры ничего не пропало, хотя вещи были перевернуты вверх дном. Искали что-то целенаправленно? Или обычные домошники? Местный участковый на вопросы Влада отвечал уклончиво, склоняясь к тому, что это все-таки были мелкие квартирники, «которых в последнее время развелось как собак нерезаных». Уверил, что опера и полиция района работают, но заметил, раз ничего из квартиры не пропало, то и шевелиться особо никто не будет. «Сам же знаешь», – развел в итоге руками.

Влад знал. А еще он знал, что убийство прокурорского и сердечный приступ отца случились в одно и то же время, и, вполне возможно, что виновники этого были одни и те же люди. Те, кто знал о собранном досье на руководство отдела полиции, промышлявшем неблагоприятными делами, никак не красящими честь мундира. Нет, в их отделе тоже, конечно, творились дела, которые даже с большой натяжкой нельзя назвать «борьбой с преступностью», и отвечал за эти дела большей частью он, Влад, но до того, чтобы малолетних девок гнать на панель, они не опускались. Все «жрицы любви» в борделях их района были совершеннолетними и работали по собственному желанию. Торговля живым товаром была под запретом.

Но не везде, оказывается, полиция была такая щепетильная. Большие деньги развращают, а вкупе со вседозволенностью так вообще могут крышу снести, приводя к нечаянным жертвам. Так что, вероятно, что домушники, проникшие в известную квартиру, искали что-то конкретное. Важную и опасную для кого-то информацию. А раз искали в квартире бывшей тещи Демидова-старшего, то наверняка обыск был и у него самого дома. Не мешало бы наведаться в подмосковный городок, где отец жил в последнее время, заодно и узнать насчет завещания, если оно есть.

Ксения лежала в темноте, упорно отгоняя от себя мысли о Саше. Но они не хотели исчезать, возвращаясь вновь и вновь, расцвечивая всплывающие картинки пикантными подробностями. Сейчас Саша, наверное, помогает своей красавице жене, они купают дочку, укладывают детей спать, уединяются в спальне. Саша будет нежно ласкать Юлю, а потом их тела сольются в одно в неземном блаженстве.

Девушка знала, что происходит между мужчиной и женщиной, если они любят друг друга. Описания интимных сцен встречались в любовных романах, которые она почитывала тайком от бабушки. А несколько месяцев назад они с девчонками смотрели у Маринки дома какой-то эротический фильм. Как же там все было красиво – переплетенье обнаженных тел, судорожные вздохи, томные стоны...

Ксения закрыла глаза и представила, что в темноте рядом с ней находится Саша. Он обнажен по пояс, на широких и крепких плечах играют мускулы, в глазах светятся любовь и восхищение. Вот Саша медленно подходит к кровати, берется за край одеяла, склоняется над ней. Под его весом постель прогибается, ее ощутимо опалает жар мужского тела. Его рука, едва касаясь, скользит по ее предплечью, шее, замирает у щеки. Губы Саши невесомо покрывают ее лоб, глаза и, наконец, мягко смыкаются вокруг губ. Внутри нее зарождается непривычное щекочущее чувство, становится трудно дышать, потому что Саша всем весом давит на нее. Руки парня осмелели и неторопливо сдвигают вверх тонкую ткань задремавшей ночнушки, оставляя на ее коже обжигающий след сначала от его горячих рук, а потом от прохлады ночного воздуха. Его язык начинает пробирающее до дрожи путешествие по ее телу где-то в районе пупка и заканчивает поцелуем в ложбинке меж маленьких грудей.

В ушах у Ксении зашумело, сердце стучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет, в висках давило. Она рывком села на постели, шумно дыша. Воздуха в комнате не хватало. Быстро откинув одеяло, девушка бросилась к выключателю у двери и зажмурилась от ярко-вспыхнувшего света.

– Господи, что это? – в панике метались мысли в голове. – Разве можно испытывать настолько сильные эмоции? Так же и умереть недолго от избытка чувств! – она судорожно схватилась за воротник ночнушки, чувствуя, что грудная клетка просто ходит ходуном. Поймав свое отражение в зеркале, Ксюша постаралась привести дыхание в норму и хоть немного успокоиться, ведь то, что она видела в зеркальной поверхности, было по меньшей мере странно. Запылавшаяся, покрасневшая, смущенная...

Хорошо, что Влада не было дома, иначе ей было бы трудно объяснить ему эти непонятные скачки с резким зажиганием света и сбившимся дыханием. Загляни он сейчас в комнату, то наверняка был бы удивлен лихорадочным блеском в ее глазах и растерянным выражением на лице. Ей самой стало смешно. Вот до чего довели ее мысли о Саше. Видел бы он ее сейчас!

Ксюша снова взглянула в зеркало. Если бы Саша был сейчас здесь, что бы он увидел? Сама поражаясь своему поведению, девушка медленно приподняла подол ночной рубашки и осторожно стянула ее через голову. Немного постояв в одних трусиках, она сняла и их, с интересом и затаенным восторгом представляя, что на нее смотрит Саша. Несколько раз повернувшись перед отражением в зеркале и легкими оглаживающими движениями касаясь своего тела,

Ксюша разглядывала себя, понимая, что ей нравится то, что она видит. И Саше бы понравилось...

Краем уха уловив звук проворачиваемого в замке ключа, она едва успела погасить в комнате свет и запрыгнуть в кровать, кое-как набросив на себя покрывало. Ночнушка и белье так и остались лежать на полу у зеркала. Ксюша закрыла глаза, мысленно ругая себя и в то же время посмеиваясь. Господи, ну и дура! Сердце громыhalo в ушах так, что она даже не услышала стук в дверь. Раскрыв глаза, она не сразу сообразила, отчего в комнате вдруг стало светло, а сообразив, тихо ахнула – в полоске света, падающей из коридора, в комнате стоял Влад.

Она снова рывком села на постели, одной рукой пытаясь натянуть одеяло на голые колени, а второй – прикрыть от его взгляда обнаженную грудь. Мужчина молниеносно отвернулся к противоположной стенке и, стоя к ней спиной, произнес несколько растерянно:

– Я... хотел сказать... завтра поедем в Подмоскoвье. Хочу дом отца посмотреть...

– Мне завтра на день рождения идти, – нервно возразила Ксения, полыхая стыдом. Ужасная ситуация!

– Ладно, – кивнул Влад, берясь за ручку двери, и все так же не глядя на нее. – Тогда послезавтра.

Когда он вышел из комнаты, девушка с тихим стоном повалилась навзничь. Вот позорище-то! Увидел ее практически голышом! Как теперь спать-то? Мало того, что она не могла уснуть от мыслей о Саше, теперь еще и это!

Адреналин гулял по крови, мурашки бегали по обнаженной коже, внутри завязывался тугой узел из непривычных, жгучих ощущений, которые, однако, не хотелось спугнуть. В комнате остался волнующий шлейф мужского аромата с примесью никотина и алкоголя, добавляющий еще больше ярких эмоций. Перед мысленным взором вновь возник улыбающийся Саша, и Ксения, перевернувшись на живот, обняла подушку, обхватила ногами одеяло, стараясь унять напряжение там, где было мучительно приятно.

Ночью Демидов с трудом уснул, и весь следующий день боролся с навязчивыми видениями, преследовавшими его и на собрании у начальства, и во время раздачи заданий операм, и в собственном кабинете. Гибкое, стройное тело, белеющее в полумраке комнаты и судорожно прикрываемое руками, рассыпавшиеся по плечам от резкого движения волосы, нежная линия шеи, маленькая аккуратная грудь в плотном лифе платья, осиная талия. Какого черта, бл*! Что за х**ня?!

Ну почему, стоит лишь мыслям или делу коснуться Ксении, весь здравый смысл летит ко всем чертям?! Рассудком он понимал, что нужно о ней заботиться, как и положено опекуну, но на первое место неизбежно вылезала ненависть к ней. Умом понимал, что не виновата девчонка в трагедии семейной жизни родителей, не к ней была ненависть, но она осталась единственным олицетворением виновницы слез и горя матери, его юношеских терзаний, жизненных ошибок.

– Теперь она и у него крадет покой! – Влад с громким матом отшвырнул от себя ручку. – У них это с матерью в крови, что ли? Своим присутствием вносить раздрай в жизнь людей. И ведь и так старался быть от нее подальше, поменьше видеться с ней в повседневной жизни, насколько это возможно. Но нет! Она умудрилась заставить его разглядеть в ней то, чего, поди, сама еще не осознает! Господи, сколько ей лет-то? Знает ли она о том, что может вызывать такие однозначные желания? Или не только знает, но уже и все умеет?

Стук в дверь оторвал его от беспокойных и терзающих мыслей. Молодой дежурный заглянул в кабинет.

– Там Александра Павловича посетительница требует. Нервная очень. На участкового жалуется и на следаков наших, грозитя в прокуратуру обратиться...

– Давай сюда эту грозную, я разберусь, – сейчас ему как никогда необходимо было отвлечься, загрузиться работой по самое «не хочу». Сначала истеричная «терпила», потом еще

что-нибудь нарисует, какой-нибудь экстренный вызов, может, и не один, затянувшийся до ночи.

И он оказался прав. Спровадив неугомонную бабульку, пообещав ей лично разобраться с выкручивающими в подъезде лампочки мерзавцами, Демидов дал отмашку операм отработать успешные поступить вызовы, сам же занялся посетителями обезьянника. Даже если начальства в отделе нет, работа все равно должна идти.

Когда через час Воронов вернулся от страховщиков, к которым ездил по вопросу Юлиной аварии, то застал в дежурке Влада, рассматривающего недобрым взглядом сквозь решётку временных обитателей клетки. Два подростка, накурившиеся с утра всякой дряни, в наркотическом угаре решили, что «менты им не указ», вели себя нагло и явно напрашивались на отрезвляющие процедуры. Саша в душе усмехнулся, зная, что через полчаса вся дурь и наглость из обкуранных голов вылетит, одобрительно кивнул ожидающим команды начальника операм и направился к себе.

– Влад, слушай, забыл совсем, – Воронов вернулся к дежурке. – Потом зайди ко мне, у меня кое-что для Ксении есть. Передашь? ... Так, подарок небольшой.

Демидов поколебался какое-то время, говорить или нет, но потом решил, что лучше сразу пресечь на корню возможную проблему.

– Одного в допросную, – дав указание операм, он потянул начальника в кабинет. – Я сейчас буду, начинайте без меня пока.

– Не морочь ей голову, Сань, – не теряя времени даром, начал он прямо с порога.

– Влад, ты о чем вообще? Какую голову? – Саша не успел дойти до стола, так и замер посреди кабинета, сразу понял о ком речь. – Я к ней отношусь как... к сестре... младшей...

– Как к Вике? – уточнил опер. – Я понял... Только она к тебе относится не как к брату, – он обошел Сашу и сел за переговорный стол.

– Да ну, глупости все это, – недоверчиво хмыкнул Воронов, присаживаясь напротив него.

– Ты не видишь, какими глазами она на тебя смотрит? – помолчав и смерив начальника взглядом, продолжал Влад.

– Какими?

– Влюбленными, Сань, влюбленными, – он вытащил зажигалку и начал крутить ее в пальцах. – Влюбилась она в тебя, не замечал разве?

Воронов откинулся на спинку стула и задумался.

– Не надо подарков, Сань. Хватит. Она сейчас придумает себе того, чего нет, а потом моча в голову стукнет, выкинет еще что-нибудь... А у тебя Юля есть... Не обижай ее...

Саша поднялся со стула и подошел к окну, обдумывая слова друга.

– Будет тебе звонить с какой-нибудь просьбой, откажи. Или вообще трубку не бери. Она сразу поймет, что к чему, не дура. Во всяком случае, я так надеюсь, – вздохнул Влад, глядя прямо в спину Воронову. – А если не поймет, я ей объясню.

– Да нет, она не дура, – задумчиво проговорил Саша, не оборачиваясь. У него возникло ощущение, что он второй раз теряет сестру. Неприятное, невыносимое, болезненное. Быстро справившись с неизвестно откуда взявшимся чувством горечи, он развернулся к оперу и деловито осведомился: – Кстати, что там с тестом? С беременностью? Выяснил, от кого?

– Выяснил, – Влад надеялся, что на лице ни один мускул не дернулся и голос звучал ровно: – Ни от кого... Не беременная она.

– А тест тогда что же?

– Бракованный, – быстро ответил он.

– Слушай, но если она тесты делает, значит, встречается с кем-то, – хотя эта мысль в голове у Воронова просто не укладывалась, он счел своим долгом предостеречь Влада, тем более теперь, когда общаться ему с Ксенией было нежелательно. Его опер зря сгущать краски

не будет, раз так говорит, значит, так оно и есть. Для нее же лучше. – Ты бы профбеседу с этим «женихом» провел, чтобы сюрпризов не было...

– Проведу, – твердо и непреклонно заявил Демидов, поднимаясь и задвигая стул. – Не будет она ни с кем встречаться. Вот исполнится восемнадцать, станет сама за себя отвечать, тогда пусть делает что хочет... Влюбляется, дружит, хоть замуж выходит... А сейчас нет...

Глава 10

В субботнее утро Ксения проснулась со стойким ощущением, что обязательно должно случиться что-то неприятное. Она не знала, чем было вызвано это чувство – то ли тем, что окончательно и бесповоротно пришло осознание того, что Саша несвободен, и питать какие-то иллюзии на его счет бессмысленно. То ли тем, что ей было стыдно появляться утром перед Владом после того, как накануне вечером он оказался у нее в комнате и застал ее практически нагишом. Даже предвкушение вечернего празднования по случаю дня рождения Алены не могло разогнать в душе смутную тревогу.

Влад сделал вид, что ничего не произошло, впрочем, как и она. Стоило ей лишь показаться из комнаты, как он, отставив кружку с кофе в сторону, поднялся из-за кухонного стола, прошел в прихожую к вешалке, попутно окинув ее хмурым взглядом, начал одеваться.

– Чтобы в одиннадцать дома была, – не глядя на нее, буркнул себе под нос. – И не вздумай пить.

И все, хлесткий звук захлопнувшейся двери, а потом гулкая тишина. Девушка глубоко и безрадостно вздохнула и поплелась на кухню. Поставила кружку с недопитым кофе в раковину, щелкнула кнопкой чайника, тут же громко зашумевшего. Подошла к окну, раздвинув легкие шторы, приоткрыла створку. Лицо сразу же обдал весенний ветерок, привнося с собой запах свежести. Далеко внизу из подъезда выскочил Влад, как-то слишком резко сел в машину и стремительно сорвался с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.